

ДРУГИЕ
МИРЫ

Галина Гончарова

ТАНГО
С ДЕМОНОМ
—
ТАНГО НУЭВО

Галина Дмитриевна Гончарова
Танго с демоном. Танго нуэво
Серия «Другие миры (АСТ)»
Серия «Танго с демоном», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68831442

*Танго с демоном. Танго нуэво: Издательство АСТ ; Издательский дом
«Ленинград»; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-153503-2*

Аннотация

Шуку съели, а зубы остались. Так и после изгнания демона из мира Римата остались те, кого он еще не успел обратить, те, кто служил ему по доброй воле, с радостью, без изменения. Что им нужно? Власть, деньги, сила... это равно нужно и людям, и нелюдям. Но кто будет делиться? Умер старый король, на трон садится новый монарх. Власть неустойчива, кажется, сейчас и время оторвать для себя кусок?

Или нет? Все так хрупко, так беззащитно, и некромантов в столице нет, а мединцы есть, и самое время нанести удар... Семейство Ксаресов, приехав из колоний, незаметно для себя оказывается в центре событий. Но как можно стоять в стороне, когда твоим друзьям угрожает опасность? Как не вмешаться, когда видишь несправедливость? Как можно пройти мимо —

в семнадцать лет? Как можно не влюбиться... и разумеется, не в того человека. Впрочем, об этом ритана Феола не думает. Она просто живет. Или – танцует?

И снова танец с демоном, танец, в кругу опасности, танец – уклоняясь от щупалец монстра. Маэстро, музыку!

Содержание

Герои	7
Пролог	10
Глава 1	14
Глава 2	67
Глава 3	132
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Гончарова Г. Танго с демоном. Танго нуэво

© Галина Гончарова, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Галина Гончарова

**ТАНГО
С ДЕМОНОМ
—
ТАНГО НУЭВО**

Герои

Лоуренсио Хулио Ксарес – старший сын семьи Ксаресов

Алисия Катарина – старшая сестра

Феола Амадина – младшая сестра, прозвище – Канси, ого-

нек

Отец – тан Хулио Патрисио Ксарес

Мать – Катарина Мария Ксарес

Ритана Долорес Эухения Падилья – сопровождала сестер

из колоний

Адэхи – шаман, учил Феолу

Тан Карлос Амадо – сын Альбы и Амадо Риалонов

Тан Анхель Хуан Толедо – друг Лоуренсио

Рауль Хосе Ортис – тан, достаточно богатый, не любит

Анхеля

Самуэль Гонсало Веласкес. Сеньор Веласкес. Убитый ку-

пец

Виржиния Моника Веласкес. Сеньора Вирджиния. Джин-

ни – жена купца, бывшая любовница Серхио

Дети Вирджинии – старшая – Мерседес Вирджиния, сред-

ний – Гонсало Самуэль, названный в честь деда, и младший –

Хавьер Николас

Мария Соледад Перальта – служанка у Веласкесов

Хавьер Маркос Карраско – некромант в управлении

Наталия Марина Арандо – сеньора, мать Джинни Велас-

кес

Хуана Сесилия Варгос – соседка матери Джинни

Идана Мерседес Веласкес – мать убитого Веласкеса, свекровь Джинни

Гонсало Николас Веласкес, отец убитого Веласкеса, несчастного Самуэля Гонсало

Мария Пилар Наранхо – модистка

Тереса Мария Наранхо – помощница модистки

Сеньор Гильермо Хосе Агирре – ювелир, учитель Мерседес Вирджинии Веласкес

Тан Херардо Диас Мальдонадо – ювелир, эпатажник

Сальвадор Пабло Коронель – ювелир

Асунсьон Мария Салинас – портниха, знакомая Тересы

Мария Ленора Наранхо – мать Тересы

Сеньор Хуан Карлос Наранхо – отец Тересы

Альберто Карлос Наранхо – дядя Тересы, женат на Пилар

Эктор Паскуаль Кинтеро – картежник, старик, владелец

«Шахматки»

Сезар Мигель Вальверде – секретарь мэра

Тан Патрисио Эудженио Ксарес – глава семейства Ксаресов

Роза Эухения Ксарес – дочь Патрисио. Не замужем, потому как стерва и пакость

Элена Фелиса Торо – экономка у Ксаресов, в столице

Висента Анна Дельрио – сестра Москита-Хуана

Хуан Валерио Дельрио – Моски́т, см. «Танго с призраком»

Милонгеро»

Эмералд – почти невеста Рауля, покончила с собой из-за Анхеля

Алехандра Патрисия Роблес – любовница Хоселиуса
Аурелио

Лидия Консепсьон Бенитес – родила от мединца. Эллора
Лидия – родная дочь, Дарей Лидия – нет

Кармело Луна Эскобар – жених Эллары

Тан Диего Хосе Овьедо – мажордом при королевском
дворце в Римате

Ритана Консуэла Анна Варгас – кастелянша

Пролог

Великий город Римат.

Прекрасный город Римат!

Траурный город Римат...

Столица как-никак. Обязаны одеться в траур, украсить дома черными флагами, прикрепить к одежде нечто подходящее. Ониксовую брошь, к примеру.

Нет у тебя такой?

Не надо, но хоть черную ленту повяжи на рукав в знак сочувствия. Не абы кто помер – его величество Аурелио Августин! Помер не в столице, в Каса Норра, в котором жил безвылазно последние десять лет, а если уж между своими – и жизнь у него последние лет десять была сложная, и помер он, говорят, не просто так, но это – тссссс!

В допросную никому неохота. А за сплетни о королевской семье можно там и оказаться. Быстро и весело.

Хотя как удержишь слухи?

Говорят, что его величество последние пять лет вообще не покидал своих покоев.

Говорят, он что-то такое... да кто ж его знает? Говорить могут что угодно, все же – король! И представьте себе, правил больше пятидесяти лет.

На трон он тоже вступил не юношей, то есть королю было за девяносто. И он сам столько прожил? Просто так, без по-

мощи магии, без каких-нибудь ритуалов... тссссс! Конечно, народ всему верит! А кто-то сомневается?

А те, кто сомневаются, могут пожаловать в ту же церковь. Там как раз занимаются человеческими душами, сомнениями, метаниями и терзаниями. Очень, очень пристально занимаются.

И побеседуют, и успокоят, и сообщат, куда нужно.

Тайна исповеди?

А она и нарушена не будет! Намекнуть – оно всегда возможно. Аккуратно, не нарушая своего слова, обходя клятву... намек же!

Так что лучше промолчать. Вот послушать соседа и помолчать. Сосед – сам разберется.

А сплетни шли.

И в бедных кварталах, и в богатых. И среди сеньоров, и среди танов.

И чем это все обернется?

Наследовал королю его величество Хоселиус Аурелио. Правда, пока не величество, пока еще просто высочество. Величеством он станет после коронации, а та должна пройти ровно через сорок дней после похорон. Похороны, кстати, тоже состоятся в столице.

Мало ли что его величество умер в Каса Норра? Похоронен он должен быть в Римате, в семейной усыпальнице, и вообще, королевские похороны – это церемониал. Потому его величество забальзамировали и везут в Римат.

Вот, со дня внесения тела в склеп отсчитывается сорок дней.

Почему так?

Срок строгого траура – первое.

Срок проверки – второе.

Если уж так прикинуть – мало ли что за сорок дней произойдет? Нового короля много кто захочет попробовать на зубок, часть альянсов распадется, часть сложится, начнутся интриги, подковерные змеиные переползания с места на место, в поисках лучшего, а результат?

Будет видно.

Впрочем, ничего принципиально нового за это время не произойдет. Все уже было, все еще будет. А именно – сильные усилятся, сожрав часть слабых, поборются между собой, потом или договорятся, или борьба перейдет в затяжную фазу – кто его знает? Имена тут не важны, важен принцип.

Но это – историкам.

А вот для современников хотелось бы конкретнее, кто будет на троне, его величество – или его младший брат, или еще кто-то. Кто будет у трона, какие сложатся группировки, радикалов, консерваторов, либералов... да много в политике разных извращений! Куда до них маньякам!

Впрочем, все еще сложится. А для простых людей...

А что им?

Им надо, чтобы апельсины цвели, селедка ловилась, ну

и налогами не душили. А что там наверху и кто там на троне? Можно подумать, если корове на стену портрет его величества повесить, так она доиться лучше будет! Или если на рога флаги намотать!

Простых людей смерть короля вообще не касалась. Ну, поносят траурные ленты. Ну, посмотрят в столице на похороны и коронацию.

И только.

Лишь бы налоги не подняли...

А вот тем, кому было что терять...

Наступало смутное время. Сложные дни, в которые многие желали половить рыбку в мутной воде. А что выловят? И кого?

Она ж рыбка – такая, может и рыбака в воду утянуть. А то и закусить особо умным.

Запросто.

Итак, пожелаем рыбе приятного аппетита – и отправимся гулять по улицам Римата. Определенно, там будет много всего интересного. И начнем с порта, в который скоро прибудет симпатичный корабль с синей полосой на борту...

А потом заглянем в следственное управление, зайдем в церковь, на рынок, послушаем людей... Но началась эта история – с корабля.

Корабль «Синяя чайка» следовал к месту назначения.

Глава 1

– Мы молим о возвращении!

– Мы молим... – послушно откликаются присутствующие.

– Мы взываем к тебе, богиня Синэри!

– Мы взываем...¹

Голоса звучат.

Нельзя сказать, что они все красивые и певучие, некоторые из них настолько низкие или настолько высокие, что их даже не различить человеческим ухом.

Но присутствующим это и не нужно.

Потому что та, к которой они взывают, – не откликается.

Пятнадцать лет...

Страшных, горьких, кошмарных лет, прошедших с того безумного дня.

Как это описать?

Когда на тебя обрушивается бушующая стихия? Когда рядом с тобой умирают твои близкие... те, кого ты привык видеть рядом.

Когда ты перестаешь чувствовать ЕЁ.

---

¹ Синэри Ярадан была не богиней, а демонессой, но убедить в этом ее прихожан возможным не представляется. Сожрут. В буквальном смысле. – Здесь и далее прим. авт.

Владычицу Синэри Ярадан.

Как рассказать о боли, о страхе, о кошмарном чувстве полного одиночества – для того, кто привык всегда – ВСЕГДА! – ощущать за плечом ее присутствие, ее дыхание, ее силу? И в единый миг ты лишаешься всего, и стоишь один, совсем один...

Пятнадцать лет тому назад, да.

Когда демонесса была изгнана из мира, те, кто был с ней тесно связан, конечно, погиб. Как выжить существу, у которого остался лишь огрызок души?

Никак.

Но были ведь и другие.

Были маги. Были дети, не сотворенные, а рожденные, были те, кто еще не удостоился чести слиться с Богиней.

Нельзя сказать, что их было много. Что их число увеличилось за прошедшие годы. Нет, оно скорее уменьшилось.

Кровь смешивалась с человеческой кровью, и рождались почти что люди. Они все дальше и дальше уходили от Богини, все больше приближались к обычным... к тем, кто не умел плавать, кто не ощущал морскую глубину как часть себя, кто не сливался с Богиней в экстазе единения.

Ладно-ладно, из выживших не сливался никто.

Но КАК это бывает – они знали. Видели. И сила Синэри задевала их, хотя и самым краешком.

А на что готов наркоман, чтобы получить дозу?

На всё.

Убить, украсть, кого-то уничтожить...

Кого-то? Если речь идет об обычном человеческом стаде – так что же? Плевать на них шесть раз! Хоть сто тысяч погибнет, но Богиня сможет вернуться! И это будет так чудесно, так восхитительно, так правильно и нужно, что ее паства не остановится ни перед чем.

Под сводами пещеры продолжают звучать молитвы. Пусть Богиня пока не может их услышать, но так получается, что обстоятельства складываются в их пользу.

Скоро, очень скоро у мединцев появится шанс.

А вот этот разговор состоялся уже после богослужения. Мужчина и женщина.

И разговаривают... вы представьте – не о любви! О чем-то другом. Хотя женщина явно смотрит... ей нравится этот мужчина. А вот его глаза холодны и равнодушны. Мединцы вообще не умеют любить.

– Ты разговаривала с ней?

– Нет еще, брат Эро.

– Ты меня разочаровываешь, Дари.

– Я исправлюсь. Клянусь!

– У нас не так много времени, сестра. Поторопись.

– Я клянусь. В ближайшие же дни...

– Помни. Возвращение Владычицы зависит и от тебя.

И наше будущее – тоже.

Мужчина уходит, а девушка остается стоять, глядя

в стену.

Наше. Будущее...

Наше.

Ах, если бы действительно – наше...

* * *

– Тяните! ТЯНИТЕ ЖЕ!!!

Рыжеволосая девушка лет шестнадцати на вид задорно подпрыгивала на палубе, глядя на матросов, которые вытягивали сеть. Что ж не побаловать пассажиров свежей рыбой? К обеду или к ужину, смотря как получится.

Матросы добродушно улыбались.

Пассажирку эту они преотлично изучили за три недели, ну, интересно девушке – она и лезет! И пусть ее! Под руку не подворачивается, капитану не ябедничает на случайно сорвавшееся словечко, да и приятно, когда на тебя так смотрят! Словно ты фокусник и достаешь не сеть из воды – рутинное и обыденное занятие, а кролика из цилиндра. И вот-вот...

К чести матросов, никаких сексуальных побуждений у них девушка не вызывала. И не потому, что была слишком молода. Все нужные округлости и выпуклости у нее присутствовали. И возраст уже был такой, когда можно и помечтать, и попробовать... закон не возразит.

Но вот вела себя ритана так, что не воспринималась

как объект интереса. Не получалось за ней ухаживать – и хоть ты тресни! Младшая сестренка, подруга, но не возлюбленная.

Слишком уж она яркая, живая, непосредственная... как-то у нее это получалось. Непонятно как, но если ее старшую сестру провожали похотливыми взглядами (нет-нет, ничего такого, поймите правильно, месяц без женщины – и козу пожелаешь), то на долю девушки доставались в основном покровительственные. А ведь и разница в возрасте там невелика. Год, может, два...

Дождаться сети не удалось, идиллию разорвал высокий тонкий голос:

– Ритана Ксарес, вы ведете себя неподобающе.

Феола сморщила нос, обернулась на говорящую.

– Да, ритана Долорес.

А что ей еще ответить? Если сейчас огрызнешься, так она же на два часа заведется, хуже всякой зуделки. А если согласиться со всем и сразу – пятнадцать минут нудятины – и счастье! Тебя оставят в покое. Феола Амадина Ксарес уже проверила это на своем личном опыте.

Скучно, скучно, скучно!!!

Главный минус морского путешествия на небольшом корабле – это скука! И заняться-то и правда нечем! Вот подумайте сами!

Это – корабль.

Не слишком большой, библиотеки на нем нет. Модной си-

нематики – тоже.

Чем заниматься во время путешествия? А тут уж кто чем.

Вот ритана Долорес преотлично вышивает, за двадцать шесть дней плавания она целый покров вышила. На алтарь. Потом подарит в храме, и ей, безусловно, спишется самый ее страшный грех – занудство.

Алисия Катарина вышивает и читает любовные романы. А если уж совсем честно, Феола видела у нее книжку с картинками. Такими, неприличными. Даже пролистала, но не поняла, зачем так заплетаться руками и ногами. Можно же не распутаться? И почему у всех на картинках открытые рты? Орут от счастья?

Хотя с точки зрения анатомии... и чего она там не видела? В той анатомии? Ничем, вот как хотите – ничем мужчины на картинках от других голых мужчин не отличались. Разве что зверски глупым выражением лица. Наверное, автор книжки считал его очень заманчивым. А Феола такое видела... когда одного мужчину при ней оса ужалила. Пониже поясицы. Просто копия...

Ладно. Пусть Алисия читает. У нее все равно одни парни на уме. Восемнадцать лет, взрослая, понимаете ли... а вот Феола для нее теперь малявка! Рыбу ей, что ли, в туфельки подсунуть?

Феоле было откровенно скучно.

Все книги, которые были взяты с собой, были прочитаны, даже рунный справочник изучен, а руны она тренировалась

писать по два часа в день, хотя та же ритана Долорес прилежно жужжала над ухом.

Недостойно! Не подобает! Руки в чернилах! На лице заумное выражение. И вообще – девушке вредно читать! У нее от этого морщины появляются.

Ага, а еще она думать начинает. Вот где беда-то получается! Нет бы уши всласть под лапшу подставлять, а она размышляет, сопоставляет, какую-то логику ищет... зачем женщине логика? Ей надо молиться, детей рожать и ту книжку, с неприличными картинками. И все. Ну, может, еще одну книжку. По домоводству.

Когда почтенная ритана Долорес была молода, лет этак сорок-пятьдесят назад, девочек в «хороших семьях» воспитывали именно так.

И не сильно интересовались, что об этом думают сами девочки. Возвращаясь выше – зачем им еще и думать? Молиться, вышивать и растить детей. И хватит.

Почтенная сопровождающая умела это преотлично. Кстати, и деньги именно так зарабатывала.

Девушке из хорошей семьи нельзя путешествовать в одиночку. Ей нужно сопровождение. Или – им нужно. Алисии и Феоле.

Вот она и сопровождала.

Из Колоний в метрополию, потом обратно с кем-нибудь поедет. На корабле почтенная ритана чувствовала себя великолепно, морской болезнью ничуть не страдала, а де-

вушек блюла неусыпно. Куда там морскому дракону, у него, по слухам, всего какая-то паршивая тысяча глаз, а тут, по мнению Феолы, и глаз тысяча, и ушей, и носов, и вообще... какая-то она вездесущая. И всепроникающая.

Может, нечисть?

Феола незаметно коснулась обсидианового браслета на левой руке. Глупость, конечно. Но была бы нечисть – браслет похолодел бы. А он приятно теплый, глубоко наплевав на то, что вулканическое стекло очень плохо нагревается от человеческих рук. Особенно вот так, в браслете, не имея постоянного соприкосновения с кожей².

– Ритана Ксарес, извольте привести себя в порядок и следовать за мной.

Феола только вздохнула.

– А что со мной не так?

Показывать пальцем вульгарно и бестактно, поэтому ритана Долорес ограничилась кивком на ногу девушки.

– Вот.

Действительно, ужас-ужас! Или просто – УЖАС?! Пока Феола прыгала, юбка слегка задралась, оборка завернулась, и всем стало видно ее колено. Одно. Левое.

Как теперь жить? Вечный позор...

Удалиться в монастырь и до скончания веков сей грех отмаливать, не иначе.

---

² Один из методов определения подделки. За пару минут обсидиан не нагреется в человеческих руках. Если нагрелся – подделка.

Увидела бы почтенная ритана Адэхи! И... наверное, умерла бы на месте. Если бы Адэхи позволил.

Жаль, что пришлось расстаться. Но наставник не поедет на материк. Ему нельзя. Там властны другие боги.

Феола незаметно вздохнула и поправила оборку.

— Да, ритана Долорес.

Почтенная ритана смягчилась при виде такого послушания.

— Феола, вы должны понимать, я все делаю только ради вашего блага. Скажем честно, вам не настолько повезло с внешностью, как вашей сестре, поэтому имеет смысл сделать ставку на доброту, благочестие и послушание. Уверю вас, эти добродетели не останутся незамеченными.

Феола послушно кивала головой в нужных местах, пропуская мимо ушей проповеди почтенной ританы и думая о своем.

Да-да, конечно... не повезло ей с внешностью. Может быть...

А может и не быть.

Алисии повезло, тут и гадать нечего. Старшая сестра просто красotka. Высокая, стройная, с округлостями в нужных местах. А еще белокожая, синеглазая и с золотыми локонами. И их даже завивать не приходится.

Потрясающая красotka, даром, что мгновенно обгорает на солнышке, а потому постоянно ходит в шляпках, носит вуали и шарфы и мажется сметаной.

Феола не такая.

У нее ярко-рыжие волосы, насыщенные, медные, словно пламя костра. Друзья-индейцы прозвали ее «Канси», что значит огонек. Глаза напротив – светлые, бледно-серые, почти белые. Брови и ресницы, правда, черные, но веснушек на лице... ладно. На лице не так много, но нос весь в веснушках.

Черты лица? Вроде бы правильные, но пока ничего сказать точнее нельзя. И о фигуре тоже.

Шестнадцать лет!

Самый гадкоутеночий возраст! Может, и не у всех так складывается, но у Феолы так точно. И что там из нее вырастет? То ли ослепительная красотка, то ли девушка, при виде которой окружающие начинают вежливо бормотать: «да-да, она такая умничка, и так животных любит...»

Ритана Долорес явно уповала на второе и заранее учила бедную девочку уму-разуму. Оно и понятно, сама-то ритана выглядела так.... Ее в море засунуть, так из воды вся рыба сбежит.

Представьте себе стерлядь. Большую. Дополните ее очарование жидким пучком седых волос и пенсне. Облачите несчастную рыбину в платье с корсетом по моде полувековой давности. Только цвета выбирайте помрачнее. Серый, черный, можно – серый с черной отделкой. И вот – перед вами почтенная дуэнья.

Да, и не стоит забывать зонтик. Якобы – от солнца. Он же

трость, он же, по мнению Феолы, оружие ближнего боя. Таким, да по человеку – протез придется заказывать.

И сейчас все это очарование неумолимо влекло Феолу с палубы в каюту. Девушка уперлась ногами так, что в досках палубы едва вмятины не появились.

– Ритана Долорес! Я не могу в каюте! Меня там мутит!

– Но вы там спите, ритана Феола!

– Но я не могу спать круглосуточно!

– Хорошо, ритана. Я сейчас принесу вам молитвенник. В прошлый раз мы остановились на сорок шестой странице...

– Да, ритана Долорес, – безрадостно откликнулась Феола. Она преотлично помнила, что в молитвеннике триста шестьдесят пять страниц.

Молитвы на каждый день. Простите – триста шестьдесят шесть, просто одна из страниц реже используется. Каждый день находится под покровительством своего святого, каждому святому полагается своя молитва, каждому – за свое. Одному от поноса, второму от запора, третьему во здравие... и попробуй перепутай!

Дома Феоле было глубоко плевать, что там и кто там молится. А вот здесь... выбора нет. Приходится учить. Алисия же...

Совести у сестры нет!

Но с точки зрения дуэньи она ведет себя идеально. Сидит в каюте, бережет кожу от солнечных лучей, разве что ве-

чером выходя на променад, вышивает, читает книги... прелесть, а не подопечная.

А тут – Феола!

Понятно же, кому достается большая часть оплеух.

Сопровождающая удалилась.

Феола поглядела на солнце.

Высоко... до вечера далеко. Да чтоб ты онемела, стерлядь такая!

– Не огорчайтесь, ритана, завтра, край послезавтра – Римат, – один из матросов оказался совсем близко.

– Спасибо! – Феола искренне обрадовалась, улыбнулась в ответ. – Дядюшка Джок, спасибо!

– Держите, ритана, все не так тоскливо будет!

Феола с радостью сунула в рот лакричный леденец. Нравятся, нравятся ей именно эти сладости! Они замечательные!

– Спасиво...

Получилось не очень внятно, но матрос подмигнул – и удрал, прежде чем на палубе появился тысячеглавый дракон с молитвенником наперевес. Интересно, она все молитвы наизусть знает? И если да – то зачем?

– Итак, сегодня у нас день святой Дульсинеи, покровительницы девушек...³

---

³ В нашем мире подобной святой не обнаружено.

– Как работа?!

Амадо молчал.

А что он должен сказать на эту тему?

Прости, дорогая, я сейчас брошу работу – и вперед? С тобой по подругам?

А жить на что? Сына на что содержать? Да-да, вот такое отвратительное начальство, совершенно не понимает, что у подчиненных бывают потребности! То есть у их супруг...

Альба топнула изящной ножкой.

– Поменяйся с кем-нибудь!

– Это невозможно, дорогая.

– Невозможно! Только потому, что ты сам этого не хочешь! – затопала ножками красавица.

Пятнадцать лет брака пошли Альбе Инес только на пользу. Красота ее ничуть не померкла, даже наоборот, стала еще ярче. Четче обозначились черты точеного лица, после родов округлилась фигура... правда, рожала она только раз. Тогда, в юности.

Сына.

Карлоса Амадо Риалона. Больше детей у них с Амадо не получалось, да мужчина и не настаивал. Чего уж там... за каждый благородный поступок следует свое наказание.

Или нет?

Или это разминка?

Он не знал, но и не радовался жизни. Пятнадцать лет назад все было просто и понятно. Вот он, вот девушка, которой требуется помощь, вот крайне сложная жизненная ситуация.

В чем сложная?

Умершая мать, отец, который собирается жениться второй раз, да еще на девушке, которая жутко нравится самому Амадо, полная потеря ориентиров в пространстве...

Благородный поступок стал тем стержнем, на который Амадо принялся наматывать свою новую жизнь, словно клубок. Только вот клубочек оказался ведьминым. Увы...

Роды вообще тяжелое испытание для женщины. Альба Инес исключением не оказалась. Сначала она закатывала истерики, потом она закатывала истерики, а к третьему году жизни сына истерики стали привычным средством общения с мужем.

Причина?

Да основная! Деньги и снова деньги!

Почему у подруги есть, а у меня нет? Почему у Антонии свое поместье, а у нас – нет? Почему у Паулины свой мобиль, а у меня нет? Почему, почему, почему...

Мобиль, шубка, бриллианты, загородный дом... да хоть бы что! Хоть и туфли из змеиной кожи, которые стоят жутких денег. Нет-нет, речь сейчас не об обычных гадюках, а о редком радужном питоне. Который совершенно против того, чтобы из него делали туфельки и сумочки, и активно

доносит свое мнение до охотников. То хвостом, то пастью...

Потому и стоят туфельки столько, что на них надо полгода работать. А еще не есть, не пить и муниципалитету не платить. Или взятки брать, что ли. А не хочется, потому как ловится и карается. И вообще, такое уметь надо. Талант иметь, если хотите.

Альба это в расчет не принимала, и молодая семья задыхалась от безденежья, как рыба без воды. Конечно, помогали родители. И большинство «хочух» Альбы оплачивали именно Араконы, понимая, что преподавателю университета, даже и Королевского, это просто не под силу.

Помогал отец, который хоть и не купался никогда в деньгах, но зарабатывать умел.

Помогала даже Паулина.

Собственно, она единственная, кто искренне сочувствовал Амадо. И именно она посочувствовала ему, столкнувшись на свадьбе. Случайно, он просто пригласил сестру жены на танец...

Вот Паулина ему и пожелала терпения. И не пожалеть о своем благородстве.

Тогда Амадо не понял, сейчас было уже поздно. Разводы, увы... они были возможны, но не приветствовались. Да и сына он любил, благополучно забывая, кто его настоящий отец. Тем более Карлос был маминой копией. Такой же темноволосый, темноглазый, ослепительно красивый...

Десять лет назад он был еще совсем малышом. А требова-

лось много, так много.... Ей-ей, на взрослого человека расходов меньше, чем на ребенка. И Амадо решился.

Университет он попросту бросил. Магистр? Профессор?

Вы не знаете, о чем вы говорите. Вы просто этого не знаете. Чтобы защититься, требуется очень много всего. Деньги, связи, знакомства, с одними исследованиями вы можете до старости сидеть в младших помощниках старшего писаря и никуда не сдвинуться.

У Амадо знакомств не было.

Не в том количестве, чтобы пролезть вперед и выше. Вот и получилось... плохо получилось, в общем. Один маститый профессор получил в морду, а один сопливый преподаватель был вежливо выставлен на улицу. И пошел туда, где смог найти место.

А именно – в следственное управление.

Да, и что такого?

Муж свояченицы, Игнасио, которого в семье все называли Реем, взялся натаскивать Амадо в следственной науке. А выбора не было.

Можно пробоваться помощником писаря, можно копиистом, можно секретарем, но зарплата там... Мизер.

Магии у Амадо как не было, так и не прибавилось. Ноль и есть ноль, на что ни умножай. И что осталось? Только карьера следователя.

Сначала по простым делам, все равно там зарплата не меньше, чем в университете, а потом и по особо важным.

Благо наставников хватало. И Вальдес, и Шальвейн, да и родной отец – все трое наперебой вкладывали юноше ума. То одно объясняли, то второе, там подсказывали, здесь информатора помогли завербовать... и постепенно увлекся Амадо этой работой так, что куда там индейцам!

Индейцы – были и ушли.

А вот преступный мир столицы... такой сложный, разветвленный, непредсказуемый... Это – да. Это по-настоящему интересно...

Жаль, что Альбу Инес это не устраивало. Ей нужен был богатый муж. Который будет сидеть дома, рядом с ней... вести такую же жизнь, как ее отец рядом с матерью. Но у Амадо такой возможности не было. И содержать его не станут, и родители не вечны, и деньги он считать научился... И с отцом постепенно помирился. Как-то оно так получилось...

Когда смотришь со стороны матери, у которой постоянно скандалы с мужем... отец все время пропадает на работе, не дает достаточно денег, не помогает, не, не, не...

Когда сам оказываешься на месте отца, все воспринимается как-то иначе. Даже совсем иначе. Начинаешь понимать, что ты все же неблагодарная скотина. Тебе все дали, а ты еще вредничаешь? Того тебе мало, этого не хватает... да ты двадцать лет с хвостиком прожигал свою жизнь! С позволения отца и его содержания.

А теперь – отрабатываешь. Фактически долги отдаешь.
– Все, все будут на похоронах! А ты!

– А я буду обеспечивать их безопасность. Чтобы все спокойно прошло.

– Можно подумать, без тебя там не разберутся! Амадо, я последний раз предупреждаю!

– Лучше в первый раз подумай, – устало отозвался Амадо. – Альба, к чему этот скандал? Я тебе еще декаду назад сказал, что не смогу присутствовать на торжествах. Чего ты сейчас возмущаешься?

– Поменяйся с кем-нибудь!

– Альба, мы это уже обговаривали. Ни с кем я поменяться не могу. Не получится.

С одной стороны, следовательно – не конная полиция. Не гвардия, даже не уличная стража.

С другой... кому, как не ему знать о преступном мире? Так что вся полиция будет на улицах, он будет придан к десятку городской стражи, и смена закончится, когда все уже будет завершено. Печально, но факт.

Так происходит постоянно. Так происходит регулярно. И за десять лет Альба могла бы уже сто раз смириться и не устраивать нервотрепку. Но – увы.

– Мам, пап, привет... что случилось?

Карлос очаровательно улыбался. Амадо невольно улыбнулся ему в ответ.

– Ничего страшного, сынок.

– Опять ссоритесь? Мам, хватит папе печень кушать! Ясно же, что он на работе будет!

– Работа... вечно эта работа! Она у меня крадет мужа, она...

– Мам, я тоже рано или поздно работать буду, – юный Риалон поцеловал мамочку в щеку. – Пап, не дашь денег на синематограф? Мы с ребятами сходить хотели?

Амадо достал из кармана бумажник, посмотрел, сколько в нем денег... потом отсчитал пару купюр сыну. Ладно уж... скоро аванс.

– Иди, сынок, погуляй.

– Пап, спасибо...

– И я пошел на работу, – использовал свой шанс Амадо. И тут же удрал.

Карлос поцеловал маму в щечку еще раз и удрал. Альба осталась в комнате одна. Посмотрела на вазу, примерилась – да и швырнула ее в стену. И не жалко!

Все равно мужу подарили!

А вот ее! В осколочки!

Ну какая сволочь, какая сволочь!!!

На любую проблему есть две точки зрения: моя и неправильная. Вот Альба Риалон была убедительным примером и доказательством этого тезиса.

Естественно, правильным было ее мнение. Неправильным – все остальные. И мнение ее было такое: ах, как она просчиталась! Как она в свое время просчиталась!!!

Да уж...

Пятнадцать лет назад казалось, что жизнь кончена. Любимый мужчина оказался вруном и подонком, сбежал и где-то помер. В животе рос его ребенок. А брак...

А вот брака и не случилось, и Альбе предстояло стать пошлостью вся столицы. Знаете, как за нее взялись бы подруги? А модистки? А...

Альба надолго стала бы героиней салонных сплетен, еще бы и внукам припомнили. Повезло... тогда ей так казалось, что повезло. Амадо Риалон сделал ей предложение.

М-да.

Замуж-то она вышла. И ребенка родила в законном браке, а сплетни... и что? Бывает... не дотерпели до свадьбы! С кем не случается? Об этом даже сплетничать неинтересно.

Самое страшное прошло мимо. Альба выдохнула... казалось. А потом поняла, что самое-то страшное – оно только-только началось.

Обсуждения, слухи, сплетни и пересуды... да, это страшно. А жизнь с мужчиной, которого ты... ладно, наедине с собой можно сказать честно. Амадо она почти что презирала. Может, если бы ей не было с кем сравнивать... но ведь было!

И было с кем, и было о ком... и Амадо был... он был не хуже или лучше, он просто был другим!

Не тот запах, вкус, улыбка, слова, не то, не так...

И побежала трещинка, расширяясь и углубляясь. Побежала, полетела... а потом еще унижительное безденежье, и скука, и муж, который вечно на работе...

Самой пойти куда-то работать?

Этот вариант Альба даже не рассматривала. Хотя... та же Антония держала антикварный магазинчик. Небольшой, для своего удовольствия, но все дело.

И Паулина нашла себе занятие.

Родила троих детей подряд, тут ни отдыха, ни продыха. Да еще старший у них оказался некромантом! Свекор, Эрнесто Риалон, как посмотрел, так сразу и сказал – мол, благословение Ла Муэрте.

А малолетний некромант – это проблема. Да еще какая...

То одно, то другое... пришлось Паулине что ни день таскаться к Лассара. Там Антония постепенно ее и к делу при- ставила. Идеально Паулина в антиквариате не разбиралась, и чутья Антонии у нее не было, но ведь кто-то должен и рути- ной заниматься? Так женщины и сработались. Вместе воспи- тывая шестерых детей, четырех мальчиков, двоих девочек, и четверо из них – некроманты. Как-то у них так получилось, и у Паулины два мальчика и девочка, и у Антонии... только у Антонии все некроманты, а у Паулины только старший.

А сейчас они вообще все в Лассара.

Причина весьма серьезная.

Антония Лассара ждет четвертого ребенка – раз.

У старших мальчишек началось половое созревание, а с ним и магия пошла вразнос, стала нестабильной. Это лучше пережить в глуши... это некроманты! Люди совершенно без понимания относятся к зомби... Альба с отвращением

вспомнила некромуху, которую в три года поднял племянничек.

Дохлая, а ползает...

А мальчишка смотрит своими голубыми глазами... говорить-то еще не умеет толком, а туда же!

Фу, гадость!

Альба с отвращением сморщила нос, потом решительно взяла накидку и задрапировалась в нее перед зеркалом. Пойдет она, пожалуй, погуляет.

Да, погуляет по парку, скушает мороженое...

Или телефонировать кому-то из подруг? Напроситься в гости?

Но ей будут сочувствовать. Ах, бедная девочка, опять одна, а муж все на работе и на работе...

Пожалуй, сегодня она просто погуляет в парке. Одна.

* * *

– Как ты себя чувствуешь, радость моя?

Эрнесто положил ладонь на живот Тони. Ребенок толкнулся в нее изнутри, приветствуя отца. Мужчина и женщина поглядели друг на друга и одновременно заулыбались.

Дети... ах, эти дети!

Обычно некроманты не столь плодовиты, но видимо, сработало благословение Ла Муэрте. Забавно? Но факт, богиня Смерти благословила чету Риалонов плодиться и размно-

жаться. И – получилось.

Эрнесто подозревал чуточку иную причину, но не собирался ни обнародовать ее, ни спорить. Некромантия не слишком предназначена для размножения. Некромантам бывает сложно родить даже одного-двух детей, куда уж больше! Но в том-то и дело, что Тони вычерпала себя до дна, сражаясь с демоном. И потому легко забеременела. Первые дети у них получились погодками. Через шесть лет родился третий малыш. Сын, дочь, сын – и вот еще один ребенок!

Вряд ли получится больше. Уже сейчас Тони чувствует себя не слишком хорошо, и попросила отвезти ее в Лассара. Долорес уверенно выпаивает ее травяными отварами, проводит ритуалы, Тони уже носит на себе не меньше десятка разных амулетов, но не жалуется. Еще хотя бы три месяца надо потерпеть.

Конечно, ни о какой работе у Эрнесто и речи теперь не идет. Он должен быть рядом с женой – и точка!

Его высочество отнесся к вопросу с пониманием.

А если еще честнее...

Когда тебе, глядя в глаза, говорят, что или отпуск до рождения ребенка и хотя бы пару месяцев после рождения – или увольнение...

Принц выбрал отпуск. Лучше потерпеть какое-то время, чем лишиться ценного специалиста.

Правда, смерть короля чуточку спутала планы.

– Ты поедешь? – Тони смотрела на мужа. Как хорошая

жена, она была в курсе его дел. И знала о письме его высочества, в котором принц просил своего личного некроманта вернуться.

Эрнесто только головой качнул.

– Я уже написал ответ.

– Ты уверен?

Тони даже знала, о чем написал супруг. Не читала, но была уверена в нем. Полностью.

Эрнесто только плечами пожал.

– Тони, работа и проблемы будут всегда. Да, найдется тот, кто с ними справится. Пусть без меня, пусть я не буду так полезен, пусть принц затаит обиду. Но ты и дети... не будет вас – и мне будет все равно. Кто там, что там... плевать мне на любую работу, если за нее придется платить – вами.

Тони кивнула.

– Спасибо, любимый.

Взяла руку мужа, коснулась поцелуем ладони и приложила ее к щеке. И замерла так, впитывая родное тепло. Они молчали.

Эрнесто знал – его любят. Его бы отпустили, скажи он хоть слово. И поняли, и не осудили, и приняли бы обратно в любую секунду.

Только вот зачем ему чужие проблемы, решенные такой ценой? За счет своих любимых и близких? Не нужно.

Может, кто-то другой сделает иной выбор. Но не Эрнесто Риалон, который осознал ценность любимых и любящих.

Второй рукой он мягко обнял жену за плечи, притянул к себе – и на долю секунды они так и замерли.

Ненадолго.

Если в доме шестеро детей – покой не будет долгим по определению. Так, секунд тридцать можете урвать, если замуруетесь в погребке и как следует задвинете засов. Вряд ли больше...

Вопли с улицы разрушили идиллию. Да, секунд через пятнадцать.

Тони встрепенулась, Эрнесто повернул голову к окну...

– Что-то случилось. Обычно они орут тише.

– Прогуляешься со мной, дорогая?

– Да, конечно.

Эрнесто помог жене подняться. Четвертая беременность давалась Тони тяжелее. Отекали ноги, руки, лицо, она быстро уставала, подолгу лежала, спала...

Стоило им выйти во двор, как стало ясно – предчувствие не подвело.

Рейнальдо был во дворе, на носилках, весь мокрый, с серьезной ссадиной на макушке...

Дети закружились вокруг, загудели, словно осиное гнездо.

– Мам, пап, я не виноват...

– Дядя Эрни, я не рассчитал...

Потребовалось всего десять минут и три обещания перепороть всех, не разбирая правых и виноватых, чтобы услышать истину. Точнее, чтобы ее изложил кто-то один,

а остальные помолчали.

Ничего нового в истории не оказалось.

Дети – это существа, которые обязаны проверять на крепость родительские нервы. А еще им природой назначено лезть совершенно не туда, куда бы стоило. И не всегда они могут вылезти оттуда самостоятельно и без потерь.

В частности, сегодня они решили проследить за мельником.

Кто, вот КТО рассказал им, что мельники всегда считались друзьями всякой нечисти? Естественно, четырех юных некромантов это заинтересовало. А двое остальных так привыкли следовать за друзьями, что даже не задумались – что они делать-то будут?

Так, если нежить или нечисть действительно окажется на мельнице? Ладно некроманты. А обычные дети? Нормальные... насколько могут быть нормальными дети, у которых в друзьях малолетние некроманты.

Хотя за визит на мельницу Эрнесто детей ругать не собрался. Как говорится – ваша нечисть, вы ее и спасайте. А стихийные выбросы от четырех некромантов....

Там и Костяной Дракон не устоит.

Есть подозрения, что если эти четверо организуют свой союз – им и лич преградой не станет. А то и кто-то из демонов...

Только вот никакой магический потенциал не спасет юного некроманта от падения в запруду. Некромантку. А плавать

малышка Дениза Лоренца не умела.

Колдовать? Пожалуйста!

Оживить выплеском ВСЮ дохлую рыбу в запруде – тоже.

А вот выплыть не получилось бы.

Хорошо еще, Рейнальдо успел вовремя.

Успел?

Эрнесто взялся за виски и ощутил неодолимое желание все-таки надрать уши малявкам! Нет, ну надо же! Отлично знают, что мамы и папы будут против их затей, знают, что Рей может легко вычислить их планы – и устроили ему на утро «отвлекалочку». Письмо прислали, все, как положено...

К счастью, на чем-то прокололись, и Рейнальдо, понимая, что ничего безопасного их дети задумать не могут, помчался обратно.

И успел к запруде как раз вовремя, чтобы вытащить малышку из воды.

Только вот цена вопроса...

Шишка на голове – одна штука.

Сломанная нога – одна штука.

Синяки – несчетно.

Прыгать-то пришлось практически под мельничное колесо, как еще обоих не затянуло... не иначе – Ла Муэрте решила еще лет двести пожить спокойно. И правильно, когда у нее в гостях окажутся эти демонята, спокойная жизнь по ту сторону грани будет закончена. Раз и навсегда.

– Убью, паршивцы, – как-то даже обреченно сказал некромант.

Куда там!

Дети облепили со всех сторон и заговорили, жалуясь на жизнь. И как им было страшно, и как папа (дядя Рей) спас Дези, и как...

Конец представлению положило явление сеньоры Долорес.

Вот уж кто никогда и ни с кем не церемонился... шесть подзатыльников прозвучали один за другим, с разницей в четверть секунды.

– Отвар от простуды на кухне. Если кто-то посмеет не выпить – волюю через заднее место. Клизмой!

Сказано было увесисто и убедительно. Эрнесто едва сам не помчался пить, забыв, что взрослый. И вообще... Некромантов так учить не полагается.

Когда дети улетучились в направлении кухни, он вопросительно поглядел на ведьму, которая уже осматривала Рейнальдо и бормотала что-то про мелких поганцев, которых пороть крапивой бы... для воспитания. А то и их родителей за компанию.

– Что с ними случится?

– Ничего страшного, полежат недельку на животах – поумнеют, – отмахнулась ведьма.

Вот уж не проблема – заговорить зелье так, чтобы у малолетних интриганов прыщи пошли по задним местам. Не осо-

бенно крупные и не вредные для здоровья, но достаточно болезненные.

Дня через три-четыре пройдет. А все ж спокойнее будут. Пороть нельзя?

Долорес была сторонницей негуманной теории воспитания. И искренне считала, что мозги даются всем при рождении, но помещаются в нижние полушария. А когда их начинаешь стимулировать крапивой или розгой, мозгу становится больно, и он плавно переползает наверх.

Да, а без стимуляции никак. Нет, не получится...

И вообще, если один подзатыльник заменяет два часа воспитательных бесед...

Что-то в этом есть такое... правильное.

– А со мной что будет? – знаменитый сыщик чуточку побаивался ведьмы, которая не питала к нему никакого почтения, а пару раз и уши надрала.

– Тоже ничего страшного. Полежишь месяц в кровати, нога и срастется. Ходить, правда, нельзя... ну, с женой полежишь, – отмахнулась ведьма.

Паулина покраснела.

Только вчера они с Тони разговаривали о том, что и им бы завести ребенка... почему нет? Вот и шанс представился!

– А раньше никак? – деятельная натура сыщика требовала движения. После заточения в пещере... будешь тут и двигаться, и лезть, и воспринимать любые ограничения как вражеские происки.

– Запросто, – отмахнулась ведьма. – Только на хромоту мне потом не жалуйся.

Рейнальдо закатил глаза.

Потом пригласили доктора из города – так, для проформы. Доктор поворчал, вздохнул...

А спустя два дня вернулся еще раз.

Расписаться на королевском письме.

Его величество требовал от Шальвейна прибыть в столицу, на коронацию и похороны... а какое прибыть, когда он ходить не может? Разве что дома лежать, но толку с того?

Никакого.

Но не отпишешь ведь его величеству просто так?

Потребовались свидетельства доктора, мэра, ну и двоих некромантов. Паулина, как лицо неофициальное, права подписи не получила, хотя и предлагала.

Сеньора Долорес тоже. И даже не предлагала – нужен ей тот король! Трижды ха!

Ее дело – ее семья.

Ее родные, близкие, чтобы все у них было хорошо и спокойно, и...

Есть все же ведьминское чутье. И оно тихо нашептывало своей хозяйке сидеть ровно. Потому как ничего, ничего хорошего ее в столице не ждет.

Вообще.

А неприятностей и она, и ее родные могут получить столько, что на три поколения вперед хватит.

Сидим – и тихо! И между нами говоря, сеньора Долорес даже противоядие от своего зелья детям подсунула. Чтобы прыщи рассосались побыстрее.

Вот казалось ей, что нечего им делать в столице, а тут и повод такой роскошный. И ведь все – чистая правда! А за это мелким негодьям многое простить можно.

* * *

Гонки!

Как много в этом слове!

Страсти, азарта, вдохновения, скорости – и даже страха смерти!

Ах, этот риск! Пьянящий и захватывающий! Для настоящих мужчин! Для тех, кто не боится рисковать собой! Своей жизнью!

Недавняя мода захлестнула Римат.

Гонки на машинах.

Понятно, раньше, когда машины едва ползали, ни о каких гонках и речи не шло! Это как на черепахах ездить верхом! Но сейчас!

Когда иные машины могут развивать скорость до сорока километров в час! А если еще облегчить машину?

А если поколдовать над двигателем?

А если...

О, тут столько простора для воображения! Можно бы на-

нять водителя, найти гонщика, но это неспортивно! И вообще – фу!

В среде золотой молодежи популярен был именно такой вид гонок. Когда сам за рулем своего мобиля...

Что делают с твоим мобилем мастера?

Это вопрос второй, в железяках аристократу разбираться как-то не пристало. А вот лететь навстречу ветру, чувствовать, как покоряется твоей руке грозный стальной конь, укладывать под колеса сложную дорогу – и приходить первым! Восторг победы!

Азарт счастья!

Что еще нужно настоящему тану?

Тан Лоуренсио Хулио Ксарес был счастлив!

Это надо понимать! Он недавно приехал из Колоний, вот совсем недавно, двух месяцев не прошло, и уже принят в свете. И стал своим во всех столичных кругах!

Иной и захочет попасть на гонки – и не сможет!

И клубы есть... закрытые.

И вечеринки для своих.

Есть. Все это есть. И все это ему доступно! Стоило только правильно подобрать себе друзей! Или...

Или это друзья почувствовали в нем настоящего тана!

Мысль о том, что друзья почувствовали в нем родительские деньги, Лоуренсио в голову не приходила. А что ей там делать? Тихо, пусто... красиво, ничего не скажешь, но и только. Лоуренсио был великолепен.

Светлые кудри до плеч, стянутые прихотливой золотой заколкой, большие голубые глаза, смуглая кожа, тронутая легким загаром, отличная фигура, высокий рост...

Девушки ахали и укладывались штабелями. И под него, и на него, и просто на его пути. Да что там! Его случалось, даже в борделях обслуживали бесплатно!

Хотя заплатить Лоуренсио как раз мог. Родители отправили его в столицу с наказом купить дом и подготовить все для выхода старшей сестры в свет. А где ей прикажете мужа искать? В Колониях?

На островах?

Алисия Катарина была решительно против.

Она хотела в метрополию, в столицу, хотела выйти замуж за человека, которому не надо ехать на острова, следить за плантациями, вникать во все это...

Ксаресы пожали плечами и смирились. Пусть едет в столицу, пусть выходит замуж. Сначала старшая, потом младшая...

Тем более что и сами не хотели постоянно жить на плантации. Сейчас уже можно себе это позволить. И в метрополию сплавать, и попутешествовать... Наймут управляющего, и будет потом Лоуренсио два раза в год плавать, его контролировать. А может, зять. Один или другой... вот, Феола всегда интересовалась плантациями. Ей это в удовольствие, и нравится. Она родителям может подходящего зятя найти.

В крайнем случае, хотя и не хочется уступать дело, в ко-

торое вложили всю душу, они просто продадут плантации и разделят деньги по справедливости между детьми. И им хватит на безбедную жизнь. Или на хорошее приданое...

Дом Лоуренсио купил.

И тут же попался на глаза одному из столичных «фигляров».

Да, их называли именно клоунами, вкладывая в это слово толику презрения. Потому что к благородному искусству лицедейства эти люди отношения не имели.

Есть актеры – и актеры.

Одни из них геройствуют на подмостках, изничтожая драконов и спасая принцесс. Вторые – в обычной жизни. И вот от вторых-то и плачут все их родные. А иногда в этот хор и чужие добавляются.

Кому ж понравится такое поведение?

У столичного «фигляра» нет ни гроша за душой, а если и есть, то мало. Он практически нигде не работает, разве что числится, но всегда на каком-то громком месте. Ему же нужно как-то о себе говорить в хвalebном тоне? Обязательно!

Дело жизни «фигляра» – развлечения. Жить весело, хорошо, для себя, в свое удовольствие, не считаясь с другими – вот оно, счастье! И другого ему не надо.

Быть в центре событий, получать удовольствие как от созерцания, так и от пересказа происходящего везде быть своим, улыбаться, танцевать, флиртовать, крутиться по столице и ее окрестностям...

Кому-то нравится?

Да, такая жизнь всегда красиво выглядит со стороны. Если не думать, что на нее нужны деньги, деньги, деньги...

И откуда их взять?

А вот тут наступает на человека большой и острый знак вопроса. Ложится сверху и колется. Больно.

Либо у тебя должны быть доходы, и не так, чтобы маленькие. Ты ведь обязан выглядеть и представляться! Да-да, тебе нужны костюмы от модных портных, шляпы из определенной мастерской, сапоги, ботинки, аксессуары, да тот же автомобиль стоит очень и очень прилично! Так что к доходам тут же будут и расходы.

А еще – карты, азартные игры, бега, скачки, гонки... и везде надо ставить. И не так, чтобы помалу. И не так, чтобы тебе всегда везло...

Шулерство?

Уметь надо. Равно, как и воровать, и просто нарушать закон. Надо – уметь.

Есть вариант пристроиться к кому-то на содержание или выгодно жениться. Выйти замуж, как вариант, ведь «фиглярами» бывают и мужчины, и женщины. Какая разница?

Всех их объединяет одно и то же: любовь к развлечениям. И частенько за чужой счет.

Но где ж на всех наберешь столько дураков с деньгами?

Есть еще один вариант – пойти на содержание. Но тут по-

нимать надо... и момент чувствовать, и за свои деньги, бывает, всю душу вымотают, какие уж тут развлечения?

Так что частенько «фигляры» ищут не покровителей, а... «дойную коровку». Дурачка, к которому хорошо бы прилепиться и сладко петь о его великих достоинствах. Да, именно так!

Ты такой замечательный, умный, лучше тебя не бывает... ты же оплатишь другу билетик на скачки?

Конечно! Мы же друзья... и я потом тоже для тебя что-то сделаю... хочешь – познакомлю с теми и теми-то? Или введу куда-то?

Фигляры ведь много куда вхожи. Они – фигляры. Клоуны, побрякушки, они развлекают гостей... польза от них, безусловно, есть.

Кто пригласит на танец некрасивую девушку? Кто развлечет заскучавшего дядюшку?

Кто скажет комплимент престарелой родственнице, да так, чтобы она перестала кушать окружающим мозг десертной ложечкой?

Они милы, очаровательны... они прилипалы, подхалимы и паразиты.

Есть и другие, но их – единицы. А большинство именно таково. Вот такого друга себе и нашел Лоуренсио.

Анхеля Хуана Толедо.

Милейший тан Толедо был из породы прожигателей жизни. Да так давно и уверенно, что и забыл, когда он жил-то?

Все время развлекался и развлекался... работать?

А зачем? Это скуууучно!

Намного интереснее погулять с друзьями в отличной компании, закатиться в бордель или кабак, потом под утро вернуться домой и уснуть. И к вечеру – снова то же самое!

Все хорошо при таком образе жизни, чудесно и замечательно. Только вот откуда деньги на развлечения брать?

А вот так...

На одежду – договориться с сапожником и портным. С каждого клиента ему... нет, не деньги даются! Это вульгарно! Это просто фи!

Но скажем, клиент, приведенный Анхелем, закажет себе трое ботинок – и еще одни пошьют Анхелю. Хороший мастер найдет, как нолик к счету приписать.

То же самое с костюмами, шляпами, перчатками... с машинами не получилось! Но и тут Анхель умудрился договориться, и машина время от времени ему предоставляли напрокат. За активную рекламу машин именно этой марки.

Вот с таким замечательным человеком и подружился Лоуренсио.

Анхель активно занялся гардеробом молодого человека, его развлечениями, знакомствами... ну и себе получал крохотный профит. А еще серьезно задумывался о сестре Лоуренсио.

Если на то пошло...

Жениться на богатой дурочке – мечта! Жаль, не всегда

достижимая, дураков на всех хватает, а вот с деньгами куда как хуже. Но у Лоуренсио деньги есть, у его родителей тоже, а родители-то далеко.

А сестра-то рядом! И в качестве присмотра с ней только старший брат! Неужели он не захочет, чтобы его сестра была счастлива? Особенно если ее счастье может составить его лучший друг? Это ж такое дно золотое... Нельзя его упускать!

Сестра приплывет со дня на день, так что Анхель не отпускал друга далеко от себя. Лоуренсио глуп, как пробка, еще разболтает кому... и невесту смогут перехватить!

Нельзя, нельзя такого допускать! Это ж катастрофа!

Забавно, что Анхель обманывался насчет глупости Лоуренсио. Юноша не был отчаянно и бесповоротно глупым, и дураком тоже не был. Просто...

Колонии и плантации.

Есть остров, на нем есть несколько плантаций, так же и на соседних островах... плантаторы все друг друга знают, все давно дружат или враждуют, все в курсе всех дел... Вообще – всех!

Понятно, что в такой атмосфере не разовьются должным образом ни критичность восприятия, ни недоверчивость к миру. А зачем? Все известно заранее. И когда плантатор Бакуа в очередной раз поколотит свою жену, напившись рома, с ним будут холодны дамы. А когда жена плантатора Вельяминос опять загуляет с рабом, выбрав себе какого

по крупнее и посимпатичнее, на нее будут смотреть осуждающе.

Но молчать из сострадания к ее мужу.

Все знают, и все молчат. Есть подозрения, что и муж тоже знает, но вдруг ему так нравится?

А саму ритану не любят. Не принято такое в обществе, чтобы с рабами... это моветон. Фу и еще раз фу! Вот если бы она подобрала себе сердечного друга, если бы романтические чувства... тогда общество поймет.

А просто так плоть потешить, да еще с чернокожими... какая гадость! Ладно-ладно, и не такое случалось в кругу плантаторов, откуда-то же берутся и мулаты, и квартероны, и прочие смески. Но все равно это не принято!

И как в такой обстановке научиться критически оценивать собеседника? Правильно, вот и Лоуренсио никак не мог. Потом он научится, наверное. Но это потом, а Анхель-то рядом уже сейчас. И дружески поддерживает под локоть, и дает советы.

– Друг мой, я думаю, надо ставить на «Звезду»! «Стелла» великолепная марка, поистине звездная, и водитель умелый и опытный, он не раз брал все призы...

– Думаешь? – сомневался Лоуренсио. – А «Марина»?

– Тоже неплохой мобиль, но не такой подвижный и легкий...

– Кто бы судил!

Анхель дернул головой.

Вот еще... и как рядом оказался этот наглец? Рауль Хосе Ортис! Можно сказать – заноза в известном месте! Да какая еще заноза и зараза!

Богат, возмутительно родовит, а еще... ну совершенно никакого такта у человека! Зато как стреляет!

На дуэль такого не вызовешь – жить хочется!

А терпеть... Анхель и терпел, стискивая зубы. Потому как разногласия между ними были давние и серьезные... обычно он старался выбирать места, в которых Рауля не бывает, или отслеживал его перемещения по званым вечерам, чтобы не столкнуться со старым недругом. Но вот не получилось в этот раз! А ведь клялись, что Ортис занят... сволочи!

– Простите, тан, но мы разговариваем с другом, – вежливо улыбнулся Лоуренсио.

– С другом? Разве у слизней бывают друзья?

Анхель вспыхнул. Конечно, он бы ответил. И преядовито.

Не успел. Лоуренсио, верный своим принципам, вступился за приятеля.

– Полагаю, об этом судить не вам, тан. О чужой дружбе. А о слизнях... вы, наверное, биолог?

Рауль даже на миг растерялся, давно ему никто не решался ответить. Но быстро нашелся.

– Специалист по пресмыкающимся. И подхалимствующим. Много вы на этого слизня тратите, тан?

– Попрошу в таком тоне о моем друге не говорить, – сдвинул брови Лоуренсио. – С Анхелем мы знакомы давно, и он

заслуживает уважения, а вас, тан, я вижу впервые.

– А я эту тварь еще дольше вас знаю. Думаете, почему он меня не заткнет? Да просто боится!

Лоуренсио пожал плечами.

– Боится вызывать на дуэль того, кто сильнее? Это не храбрость или трусость, это просто глупость. Ясно же, кто выйдет победителем. Но не докажет, кто из вас двоих прав.

– Вот именно! – подтявкнул Анхель, чуточку приободрившись.

Рауль смерил его уничижительным взглядом.

– Молчи, ничтожество. Даже если тебя по лицу отхлестать, все равно стерпишь! Слизень!

– Вы повторяетесь, тан. Вот что должен сделать Анхель, чтобы вы не считали его слизнем? Умереть от вашей руки? Весьма сомнительное предприятие...

Лоуренсио все же старался разрешить дело миром. Трусом он не был, но дуэль...

Вот как это может быть – и зачем? Чтобы убить человека просто так, из-за пары слов? По глупому задору? Как-то это... нет, лучше обойтись без дуэлей. А кроме того...

Траур. Сейчас Астилия в трауре. И будет в нем пребывать еще достаточно долго.

Что сделают с любым нарушителем порядка – даже представить сложно. Полиция сейчас зла и опасна, порвут в клочья и скажут, что заговорщики. Или еще чего придумают.

– Хм...

– А оскорблять просто так человека, который не может вам ответить – тоже недостойно.

Рауль хищно улыбнулся. Блеснули черные глаза.

– Значит, вы, тан, отстаиваете честь этой мокрицы?

– Да сколько ж можно, тан! – сдвинул брови Лоуренсио.

– Тогда предлагаю вам принять мой вызов.

– Вызов?

– Если Анхель отвечает за свои слова, пусть докажет, что «Стелла» лучше «Марины». Сядет за руль и обгонит меня!

– Я плохо вожу мобиль...

Действительно, водителем Анхель был паршивым. Компании, не питая относительно «фиглярика» никаких иллюзий, предоставляли ему мобили с водителями. Зачем технику-то калечить об дурака?

– И так во всем... может, проще добить этого несчастного, чтобы не мучился? А вы, тан, тоже ничего не умеете делать? Лоуренсио сдвинул брови.

Мобиль он как раз водить умел – и неплохо. На острове без него сложновато... ладно, дороги там не самые лучшие, но рабы есть, вытянуть мобиль можно. А вот лошади...

По какой-то причине лошади на островах долго не жили. Год, максимум два – и погибали. То ли климат, то ли вода, то ли еще какая причина... некоторые ветеринары вообще грешили на насекомых, но точно никто ничего не знал. Так что лошадей было не навезти и не закупиться. Проще обзавестись мобилем и успокоиться. Этот – не сдохнет. В край-

нем случае отремонтируем!

Вот на нем Лоуренсио и ездил. Нельзя сказать, что гонял, но доехать из одной точки в другую, не завязнув в грязи и не помяв мобиль, – мог.

Сказать об этом и нарваться на очередной виток насмешек?

– Если вы поведете мобиль сами, то я рискну с вами соревноваться.

– А этот... составит вам компанию?

Анхель вскинул голову.

Он бы отказался! И с огромным удовольствием! Но... Не в этой ситуации. От него ведь ничего не требуется, просто сопровождение. И как он будет выглядеть, если даже это окажется ему не под силу? Позорище... А позориться можно только до какого-то предела, потом тебя и в обществе принимать перестанут.

– Я не брошу своего друга!

– Как это мило – слизнячья верность!

Лоуренсио сдвинул брови.

– Полагаю, у вас тоже есть сопровождающий?

– Я в нем не нуждаюсь.

– Даже для уравнивания? По массе?

Рауль медленно кивнул.

Так-то да, кажется, что все зависит от мобиля и мастерства. Но вес тоже надо учитывать.

– Сопровождающего я себе найду. Что ж, тогда через пят-

надцать минут на старте.

Рауль поклонился и отошел в сторону, к распорядителю.

– Наглец, – прошипел Анхель. – Скотина...

– Что между вами случилось? – поинтересовался Лоуренсио. – Это личная неприязнь, я же вижу...

Анхель скривился, словно ему под нос гуано на лопате подсунули.

– Так получилось...

– Хотя бы в двух словах?

– Его невеста предпочла меня. И сбежала ко мне из родительского дома.

Лоуренсио сочувственно кивнул. Да, такое бывает. И это обидно.

Признавать, что другой, что соперник оказался лучше тебя, что не ты, а он, что любимая готова на все ради него, не тебя... Тяжело. На такое способны далеко не все, и уж конечно, Анхель не виноват в том, что его полюбили, а Рауля – нет. Кто-то другой смирился бы, но Рауль не смог. Кстати...

– Я не знаком с твоей супругой. Может быть, она поможет моим сестрам освоиться в столице?

Анхель опустил бесстыжие глаза долу.

– Я не женат. Это печальная история, друг мой, и я обещаю рассказать ее при случае. Но сейчас у нас нет времени.

Лоуренсио согласился с этим и хлопнул друга по плечу.

– Пойдем. Надо будет осмотреть мобиль перед гонкой.

Распорядитель был сух и корректен. Вежливая улыбка, гладко зачесанные назад волосы, холодные глаза...

– Гонка пройдет в условиях пригорода. Вы объезжаете город слева, по виа Паллани, выезжаете через оливковую рощу, на побережье и заканчиваете гонку у креста на взморье. Победитель тот, кто уложится в меньшее время. Выедете с разницей в десять минут. Сначала тан Ортис, потом тан Ксарес.

Мужчины согласно кивнули.

– В среднем это расстояние мобиль может преодолеть минут за пятнадцать, – распорядитель решил дать кое-какие объяснения. – Время отметят на старте и на финише. И пусть победит сильнейший.

Снова два кивка от мужчин.

– Вы, тан Ортис, едете на мобиле марки «Марина», вы, тан Ксарес, на мобиле марки «Стелла». Если мобиль будет разбит, вы выплатите его стоимость.

– Почему это? – строптиво встрял Анхель. – Тану Ортису вы такого не говорите!

– Тан Ортис едет на своем мобиле, а не на предоставленном, – вежливо разъяснил распорядитель.

Анхель поджал губы и отошел в сторону.

– Условия понятны, таны?

– Да.

– Понятны.

– Вы по-прежнему желаете этой дуэли?

– Да.

– Да.

– Тогда – с Богом! Тан Ортис, займите свое место.

Рауль послушно направился к мобиле. Действительно красивому, лакированному, с синими и золотыми вставками. Лоуренсио подумал, что надо, надо себе купить мобиль! Вот, Анхель подскажет, какую именно марку и где, он в этом хорошо разбирается... и отошел к своему. Тоже симпатичному. Алому с золотом. И звездами, нарисованными по бокам.

Анхель разговаривал с каким-то человеком, и Лоуренсио не стал вмешиваться в их беседу. Да друг и не задержался. Попрощался и направился к мобиле.

– Уехал... этот?

– Да.

Анхель нервным жестом бросил в рот конфету из серебряной бонбоньерки. Подумал секунду и протянул другу.

– Будешь?

– Что это?

На конфеты это похоже не было. Скорее – пастилки.

– Это для настроения. Помогает...

Лоуренсио пожал плечами и сунул пастилку в рот.

– Бери две. По одной не дают...

Вторая отправилась за первой, расцветая на языке нотками апельсина и ванили. Лоуренсио улыбнулся.

Ночь показалась светлее, жизнь лучше... вот что сладкое с человеком делает.

В мобиль он уже садился, весело улыбаясь...

Старта тоже было ждать легко и приятно.

Минута, две... вот опускается флажок. Анхель вскрикивает рядом, но Лоуренсио уже сорвался с места и помчался по крутой дороге на предельной для мобиля скорости.

Дорога послушно ложилась под колеса.

– Рен, у меня есть идея! Сейчас, в пригороде, сверни налево!

– Зачем?

– Делай, как сказал! Если там через бедняцкие кварталы срезать путь, мы там столько сэкономим! Минуту точно! Я дорогу знаю!

– Хм...

В другом состоянии Лоуренсио еще подумал бы. И вряд ли согласился. Но душа пела, мир звенел, а оскорбленная гордость жаждала выигрыша.

И кто тут за ними следить будет?

Им сказано доехать? Они доедут... ну, чуток срежут! Может, Рауль тоже так поступил!

И Лоуренсио послушно вывернул руль, сворачивая на улочку, на которой не было ни единого фонаря.

Темно?

Нет, нельзя сказать, что так уж темно. Звезды, луна, да и ночь светлая, хотя и осень.

Поворот, потом еще один, и еще...

Как это получилось – Лоуренсио и сказать потом не смог.

Даже осознать.

Даже сам себе... все сливалось в мешанину радужных пятен.

Только что мобиль летел по дороге – и вдруг удар! Даже УДАР! И глухой вскрик из-под колес, и кровь – на колесах, на лобовом стекле, кажется, даже на руках Лоуренсио – или это отсвет так падает?

Красная, страшная...

Анхель выскочил из мобиля и вгляделся в мужчину под колесами. Да, это явно был мужчина.

– Я...

Лоуренсио и вылезти не успел – друг схватил мужчину за ноги и потащил, словно тюк. Потом спихнул в канаву и прыгнул в мобиль.

– Давай же! Мы еще успеваем!

– А...

– Жми, Рен! НУ!!!

И столько властности было в голосе Анхеля, что Лоуренсио почему-то повиновался. А голова по-прежнему была легкой и безмятежной...

И мобиль мчался по дороге...

– Если что – скажешь, мы сбили собаку. Или лису, ты не разглядел, – инструктировал Анхель.

Лоуренсио кивал.

Сейчас ему все казалось возможным, все казалось легким и веселым. И тот человек... А что с ним? А кто его знает!

Анхель скажет, он все видел. А Лоуренсио...

Лоуренсио просто жал и жал на газ, легко срезая такие повороты, в которые не вошел бы никто, в здравом рассудке. Побережье.

И крест. До которого мобиль долетел и резко затормозил. Лоуренсио эффектным жестом выпрыгнул из него, даже не открывая дверцу.

– Ну?!

Распорядитель щелкнул секундомером. Хмыкнул.

– Тан Ксарес, ваш результат лучше. На целых шесть секунд.

Прозвучало это так: «было бы чем гордиться!» Но Лоуренсио даже и не подумал об этом. Вот еще! И заулыбался.

– Вот! Шесть секунд! Тан Ортис, надеюсь, недоразумения улажены?

Рауль сощурился. Кажется, едва удержался, чтобы не сплюнуть на землю, как простонародье.

– Тан Ксарес, вы отличный гонщик. Признаю. А что с вашим мобилем?

– Собаку сбил. Или лису... не понял. Сейчас поедем обратно, посмотрю.

Рауль молча кивнул.

Здесь и сейчас Лоуренсио, сам того не зная, навсегда потерял его уважение. Рауль собак любил, у него жили четыре дворняги, подобранные им в разное время и с разными проблемами. И чтобы вот так, небрежно...

Фу, гадость! Ты не догадываешься, что ли, что у животных тоже есть разум и чувства? Что им тоже бывает больно и плохо? А если тебя – мобилем?

Лоуренсио был навеки вычеркнут из рядов людей и приписан к оскотиненным человекообразным. Коих легион. Выглядят они как люди, и говорят по-человечески, и уборной пользуются. А вот чего-то важного Господь им не дал. Души, что ли, не вложил? Если они не знают сострадания и готовы ради ерунды, дешевого спора, пожертвовать чужой жизнью?

Пусть даже собачьей... если у человека есть собака, он и поймет, и в морду даст за такие вещи. И Рауль его оправдает.

Проедет-ка он сейчас вдоль дороги, посмотрит, что там с несчастным животным. Но судя по количеству крови...

А вдруг повезет?

Животному, понятно. Некоторые раны сильно кровоточат у всех, к примеру, на голове. И выглядят жутко, а лечатся потом чуть ли не без следа.

Рауль холодно распрощался с мужчинами и направился к мобиль. Анхель едва язык себе не отгрыз, прикусывая, но промолчал. А то ведь второй раз может и не повезти так...

* * *

Лоуренсио сел в мобиль.

Веселье постепенно проходило, его словно тряпкой сти-

рали. Грязной такой, серой, и оставались только гадкие разводы.

Наваливалась тоска.

Накатывало отчаяние.

Рядом сел Анхель и хлопнул друга по плечу.

– Рен, ты был потрясающим! Ты победил! Теперь этот спесивец заткнется навсегда!

Лоуренсио посмотрел на друга глазами раненой собаки.

– Анхель... поехали туда, а?

– Куда? – не понял Анхель, который был весь в разноцветном тумане победы.

– В трущобы... посмотрим, что с тем человеком!

– Да ничего! – отмахнулся Анхель. – Пьянь рваная, отлежится и подумает о хорошем.

– Да?

– Конечно! У него только ссадина на всю морду, и ничего больше! Я сам проверил, он дышал!

– Правда?

Лоуренсио очень хотелось в это верить.

– Правда-правда, – убедительно заверил его Анхель. – Я тебе что – врать стану?

– Нет...

– Вот, ты все понимаешь правильно. Ты все сделал правильно и победил! Поехали отмечать победу?

Лоуренсио вяло пожал плечами.

Анхель прищурился и протянул ему ту же самую бонбо-

ньерку.

– Возьми еще пастилку. И поехали. В доме сеньоры Зизи нас ждут сговорчивые девочки!

Платить, естественно, будет Лоуренсио. В честь победы. Анхель не собирался отказываться от своего триумфа над Ортисом. Вот еще!

Лоуренсио вздохнул.

Пастилка растаяла у него на языке взрывом апельсина... через несколько минут в ушах зашумело, голова стала снова легкой, а мир показался вполне пригодным местом для жилья.

– А поехали!

Анхель плюхнулся на сиденье мобиля и довольно улыбнулся.

Конечно, поехали! Веселиться, радоваться жизни, наслаждаться... это – прекрасно! Это и есть настоящая жизнь! А тот, кто этого не понимает – недостойный глупец.

А сбитый человек... А что – это кто-то важный? Или нужный? Анхель и думать о нем не собирался, и вспоминать... хотя – нет! Надо подумать.

Анхель прекрасно понимал, что в канаву он тащил полутруп, почти труп. Скорее всего, к утру этот тип просто сдохнет.

И что? Жалеть его, что ли? Да вот еще не хватало! Анхеля уж точно никто не пожалеет! А потому – вперед! На поиски приключений и развлечений!

К победе и удовольствиям! Особенно за чужой счет!
Вперед!

Глава 2

– Дорогой, я все думаю, правильно ли мы поступили.

Тан Хулио Патрисио Ксарес посмотрел на супругу.

Ритана Катарина Мария Ксарес выглядела задумчивой.

И иголка в ее руке не двигалась, замерев над вышивкой с нарциссами.

Сразу было видно, в кого пошли дети. Если Лоуренсио и Алисия получились копиями отца – такие же высокие, светловолосые, яркие...

Феола была копией матери.

Невысокая, рыжеволосая, с солнечными пятнышками веснушек на хорошеньком носике, улыбчивая и уютная, она освещала и обогревала немаленькую гостиную одной своей улыбкой. И вовсе та не казалась большой и пустой. А еще тоскливой и гулкой.

Дети уехали в метрополию. И это было... грустно.

Понятно, что рано или поздно им нужно будет расправить крылья. И свобода им нужна от родителей. И замуж выходить – жениться тоже надо.

Но... как же страшно их отпускать!

Как же боязно за них! Таких пока еще наивных, неловких, неуклюжих... словно котята, у которых впервые открылись глазки, выбрались из коробки и поползли куда-то.

А ты и сделать-то ничего не можешь.

А вдруг там пропасть? Обрыв? Водоем? Как уберечь их? Как защитить?

Тан Ксарес таких опасений не испытывал.

– Дорогая, ты же понимаешь, что это необходимо.

– Понимаю. Но говорю сейчас не о понимании, а о страхе.

Тан улыбнулся, подошел к супруге, поцеловал, погладил по голове. Сколько уж лет прошло? Двадцать? Двадцать пять? Да нет, почти тридцать лет улетело с той секунды, когда на улице его ослепил блеск ярких солнечных волос. И улыбка незнакомой девушки.

Ах, как же шипели тогда недоброжелатели!

Ему прочили богатую невесту, и вроде как имелись возможности, и он знал, что девушка будет не против... просто не говорил пока о своей любви. Был одним из многих, не единственным, но его выделяли.

Был.

А потом увидел Катарину Марию – и пропал.

И ничего его не остановило. Ни отцовский гнев, ни возмущение знакомых, ни ярость обиженной красавицы, которая полагала, что Хулио уже прочно сидит на ее крючке, только что подсечь рыбку осталось...

А были и другие причины.

Хулио был не слишком богат. Отец искренне считал, что пробиваться дети должны сами, а деньги им давать – зачем? Обойдутся! Сами справятся.

У Хулио была небольшая сумма, оставленная ему дедом,

но просто так ее размотать не вышло бы. Да и не хотелось. Эти деньги, о которых, кстати, не знал отец, были его страховкой. И они преотличногодились.

Когда он, вопреки всем, женился на любимой женщине, отец просто выгнал его из дома. Хулио тогда не расстроился.

Мать уже умерла, а остальные... радуетесь, что наследство делить не надо? Радуйтесь, не надорвитесь! А он и сам справится. Хулио рискнул, конечно, но смелым удача помогает. Так и получилось.

На оставленные деньги он купил полуразорившуюся плантацию и отправился в Колонии. Не зная практически ничего. Не предполагая, с чего начинать. Имея весьма и весьма скромный капитал... разве что желание бороться и победить прилагалось. И любящая супруга, которая никогда не сомневалась в муже.

Но – дело пошло.

Оно и неудивительно, что плантация разоряется, если в нее не вкладывать! А только выкачивать и выкачивать деньги на свои потребности... но какие потребности были у Ксаресов? Да только одна! Построить дом для себя и своих детей. Надежный, крепкий и уютный.

И это у них получилось.

За эти годы многое изменилось.

С других плантаций люди бежали. У них – никогда.

Другие плантации могли работать в убыток. Ксаресы – нет. Просто потому, что у них никто не работал из-под пал-

ки. Все получали за свою работу хоть небольшую, но оплату. Все были заинтересованы.

Так, постепенно, и состояние сколотилось.

А братья и сестры тана Ксареса?

Он наводил справки – и приходил к простому выводу. Лучшая месть – это жить и быть счастливым.

Он знал, что отец окончательно одурел и держит в страхе всю семью, переписывая по шестнадцать раз в месяц заветование.

Он знал, что его родные не добились особых успехов, оставшись в метрополии. Знал и радовался.

Иногда стоит думать своей головой. А то как получается? Не переживай, сынок, папа свою жизнь прожил, он и твою проживет. Он-то знает, как лучше.

И Хулио обнял свою супругу.

– Ничего не бойся, родная. Я попросил кое-кого пригласить за детьми. Одни они не останутся. Да и Фи.... Ты сама знаешь.

– Знаю. Как же быстро они выросли. Как стремительно повзрослели...

– Скоро внуков нам наделают. Хочешь?

– А ты?

– *А я согласен спать с такой молодой и красивой бабушкой. Доказать?*

– *Показать...*

Тан Ксарес улыбнулся.

Тридцать лет. И такое счастье. Его, родное, рыжее, солнечное и любимое. Все у них будет хорошо! Он в лепешку расшибется, а будет.

И за детьми приглядят, это уж наверняка...

Все. Будет. Хорошо.

Осталось убедить в этом жену. Но очень приятным способом.

* * *

Как встречать сестер, если голова у тебя не просто болит? Если в ней поселилась стая дятлов-шизофреников и активно долбит, долбит, долбит твой несчастный висок?

Как?!

Спасибо Анхелю, не дал друг пропасть.

С утра напоил несчастного Лоуренсио какой-то жуткой микстурой, состоящей, судя по ощущениям, наполовину из горького перца, а наполовину из кофе, потом потащил чуть ли не на себе в душ, в столовую...

В результате Лоуренсио почувствовал себя почти человеком. Оттаял, заулыбался....

– Анхель, ты настоящий друг. Не дал помереть страшной смертью!

Анхель небрежно пожал плечами.

– Тебе еще сегодня сестер встречать.

– Ох... – Лоуренсио неосторожным жестом схватился

за голову, и та опять заболела.

Анхель подлил ему еще кофе.

– Спокойнее. Сестры еще плывут, а ты уже про это помнишь.

– Ты не понимаешь...

– Объясни?

– Алисия – та спокойная. А вот Феола... она мне голову откусит, когда поймет, что я пил.

– Сестра? Младшая? Она хоть из пеленок-то вылезла?

– Феола? Это не сестра. Это гидра. Морская и злобная.

Анхель справедливо усомнился и поднял брови.

– Неужели? И чем же девушка заслужила такую славу?

– Вот познакомишься – еще и не так скажешь, – мрачно буркнул Лоуренсио, вспоминая иные сестринские проделки.

К примеру, когда его выследили с очаровательной девушкой. Только вот не стали ябедничать родителям, а запустили в хижину, где они уединялись, муравьев. Таких, красных, здоровущих и кусачих.

Когда ему в постель подложили здоровущего паука. И за что? Подумаешь, получил тот придурок по заслугам! Не сильно-то ему и досталось, а Феола потом возмущалась. Не мог, видите ли, раб работать в полную силу, болел, что ли...

Знает Лоуренсио, как они болеют!

Ленивые свиньи!

И чего это сестра взбесилась, там и было-то не больше

двадцати плетей, кажется, даже десять. И отец потом выговорил...

А случай с Эудженио? Милейший ведь человек... подумаешь, служанку прижал в углу! А чего она своей кормой вертела? Тут и святой не выдержит!

Феола не поняла простых вещей, послушала рассказы глупой девчонки и обиделась. А обиженная Феола – это к напастి. К примеру, нашествию водяных змей. Как-то не очень приятно, когда ты погружаешься в ванну, а там...

А там – они.

Но как о таком расскажешь другу? Остается только вздыхать равно о несовершенстве мира, так и о несовершенстве иных сестер.

Вот Алисия – другое дело. Умница, красавица, и не замечает вещей, которые не подобают ритане! Она-то прелесть. Но Феолу тоже никуда не денешь.

* * *

Корабль пристал в порту практически в оговоренное время. Ладно, на час позже... это по морским меркам и не опоздание даже. Это так. Ерунда.

Анхель и Лоуренсио сидели в мобиле, ждали.

Рядом ждал своего часа наемный мобиль. Опять – спасибо Анхелю. Лоуренсио как-то не подумал, что багаж одной женщины весит примерно в пятьдесят раз больше, чем она

сама. В одном мобиле все не разместятся.

Вот полетел в воду якорь, загрохотала цепь, опустили сходни...

Кто бы сомневался?

Первой на землю сбегала рыжеволосая девушка, легкая и стройная, в ярком цветастом платье... сбегала, даже не пошатнувшись, утвердилось на ногах и огляделась с таким видом, словно уже прикупила себе пару городов, а теперь думает, не испортит ли Римат ей коллекцию.

– Феола! – позвал Лоуренсио.

Феола повела головой, а потом... потом завизжала так, что следующий за ней по трапу почтенный пассажир едва не рухнул прямо в воду – и кинулась на шею Лоуренсио.

– БРАТИК!!!

– Феола, детка, ты так выросла!

– Пф-ф... можно подумать, ты меня долго не видел!

– Подумай, пожалуйста.

Феола подумала несколько секунд, переводя взгляд с Лоуренсио на Анхеля и обратно. Анхель поклонился ей со всем почтением.

– Юная ритана, вы ослепляете одним своим присутствием...

Феола сощурилась, став похожей на большую рыжую кошку.

– Врун и прилипала. Братец, ты ничего приличнее найти не мог? Я ему свои чемоданы не доверю.

– А... э...

У Анхеля реально не хватило воздуха в горле.

Так, чтобы вот ТАК!!!

Да его даже Ортис так не оскорблял! Чтобы с первой секунды – и точно в цель. Вот... вот гадина, а?! Гидра морская и ядовитая!

Анхель почти с состраданием поглядел на друга. Это ж надо... вот такое – в семье! Да ее замуж никто не возьмет! Что там! Если ее в монастырь взять, так оттуда колокола удерут!

– Феола, ты ужасна, как всегда.

– Братец, если бы я тебе подбирала друзей, я бы такое точно не взяла. Кстати, сколько денег он уже с тебя вытянул?

Анхель задохнулся вторично.

Неизвестно, что бы он сказал или сделал, может, взял бы, да и треснул малолетнюю пакость, но – на берег чинно, в сопровождении дуэньи, сошла очаровательная девушка. Одна из самых красивых, которых Анхель видел, а видел он немало.

Прелесть просто! Конфетка!

Шикарные золотые локоны, огромные голубые глаза, нежная улыбка, светлое платье... кстати, на Феоле платье тоже было дорогое, но девушка умудрилась накинуть поверх яркого шелка вязаную цветастую шаль и завязала узлом. Так что выглядело это достаточно пестро.

Дуэнья смотрела на нее почти со священным ужасом.

– Ритана Феола, где вы взяли эту гадость?

– Которую? Эту? – палец с коротко остриженным ноготком уперся прямо в Анхеля. – Это братец привез, я тут ни при чем.

– Феола, я тебе сейчас уши оборву! – уже с угрозой рыкнул Лоуренсио.

Феола только фыркнула, не сомневаясь в своей безнаказанности. А вот Лоуренсио едва удержался от гневного вопля.

Ему на голову прицельно нагадила мимо пролетающая чайка... хм, судя по размеру «неприятности», она терпела неделю и питалась одними помоями. Пришлось срочно отвернуться и оттираться. И платок выбросить. Между прочим, шелковый, дорогой! Сволочь, а не птица!

– Ритана Феола, вы ведете себя недопустимо вульгарно. Извольте переплести волосы, снять эту ужасную тряпку и принять вид, достойный юной ританы.

– И лопнуть. Ритана Долорес, вы нас до братика сопроводили? Вот и чудесно, а теперь пусть он меня попробует воспитать!

– Я и пытаться не буду. Но если скажешь хоть слово, я ритану найму лично для тебя. Как гувернантку.

Ужас был написан и на лице ританы, и на лице Феолы. Взаимообразно.

Девушка демонстративно зажала рот обеими руками, хотя какое-то подозрительное бульканье все равно доносилось. Дуэнья возвела глаза к небу и, кажется, поблагодарила его

за свое спасение.

– Алисия, – тем временем занялся второй сестрой Лоуренсио. – Я счастлив тебя видеть.

– Братик... – Алисия приподнялась на цыпочки и вежливо поцеловала брата в щеку.

– Позволь представить тебе моего друга, тана Анхеля Хуана Толедо. Милейший человек, без которого я бы и половины необходимого комфорта не смог вам обеспечить.

– И который не брезгует процентом за услугу, – все же прорвалось у Феолы. Но кто там ее слушал?

Анхель раскланивался перед Алисией со всем возможным почтением, стараясь не обращать внимания на младшую мерзавку. Да, такая невеста ему подойдет. Мила, глупа, воспитуема... и с приданым! Самое главное – с хоро-ошим приданым!

Кто сказал, что деньги не главное в жизни? Ну так попробуйте обойтись без них! Анхель с удовольствием на это посмотрит! Жаль, недолго, но на похороны смельчаков он цветы принесет. Обязательно...

Ритана Долорес тоже поглядела на него одобрительно. А что?

Одет по последней моде, вежлив, умеет держать себя в обществе. Мужчине что-то еще нужно?

Нет!

Определенно, нет.

А что Феола ведет себя ужасно – тоже не новость. Она

себя иначе никогда и не вела. И не ведет.

Мало кто знал, что больше всего из-за этой ситуации переживает как раз Феола. Но...

Иногда это было просто выше ее сил. И язык словно сам ляпал и ляпал... наваждение какое-то. Или проклятье. Вот...

* * *

Амадо расположился в кресле, вдохнул аромат кофе – и на пару секунд позволил себе прикрыть глаза.

Счастье.

Такое хрупкое, такое тихое... вот эти несколько минут, когда его нельзя беспокоить.

Когда он уселся в свое рабочее кресло, вытянул ноги – и в абсолютной тишине сделал глоток кофе. Крепкого, черного, с сахаром и сливками.

Дома почему-то так не получается. Или Альба приходит и начинает разговаривать, или сын, или еще что-то случается...

А ему так нужны эти несколько секунд тишины.

Глоток, второй – и вот чашка отставлена в сторону, и можно открыть дверь кабинета. Взять сводки, прочитать о последних происшествиях в столице.

На столе лязгнул звонок. Амадо посмотрел на него грустным взглядом, но – ничего не поделаешь. Надо отправляться

к начальству, раз уж вызывает.

Серхио Вальдес, тан Вальдес, сидел в кресле, чуточку лениво развальясь... возраст уже почтенный, солидный. А лет пять назад он сменил на этом месте Пабло Матео Лопеса, который в силу возраста ушел на заслуженный покой. Выслуга и титул позволяли, да и специалистом Серхио был отличным, специфику дела знал.

– Амадо, проходи, располагайся. Кофе, сладости?

Амадо качнул головой.

– Может, потом...

– Хорошо. Есть разговор. Даже личная просьба.

Амадо наострил ушки на макушке. Личные просьбы? Да никогда такого не было!

– Слушаю?

Серхио потупился.

– Дело достаточно деликатное. И мне бы хотелось, чтобы ты проявил понимание.

– Обещаю.

Серхио мялся еще пару минут. Взял со стола массивное пресс-папье, повертел его в руках, вздохнул.

– Ты сводки читал?

– Да.

Бегло, но ведь успел проглядеть? Значит, читал.

– Сегодня ночью был убит Самуэль Гонсало Веласкес. Сеньор Веласкес.

Амадо напряг память. Та легко подсказала результат.

– Да... было в сводках. Сеньор Веласкес, убит женой.

– Виржиния Моника Веласкес. Сеньора Вирджиния. Джинни.

И так Серхио это произнес, что Амадо стало ясно – их точно связывали неформальные отношения. Но какие?

Серхио понял немой вопрос и принялся рассказывать.

– Это было около семнадцати лет назад, может, даже чуть больше. Джинни была подругой моей дочери, Моники. Часто бывала у нас в доме, гостила, я ей радовался. Хорошая девочка, очень правильная, спокойная, умненькая... я так думал. А вот когда ей исполнилось восемнадцать, она пришла ко мне.

– Пришла?

– Да. Между нами состоялся тяжелый разговор, Амадо. Оказалось, что она давно меня любит, чуть ли не с десяти лет. И хочет, чтобы я стал ее первым мужчиной.

– Вот как.

– Да, представь себе мое состояние. Я женат, счастливо женат, у меня прекрасная семья... ты бы отказался?

– Нет, – честно ответил Амадо. И понял, что попал в точку. Серхио... да-да, представьте себе, он даже чуточку покраснел!

– У меня дочь – ее ровесница! И все же, все же... я не смог. Мы встречались где-то с полгода. Понятно, никто и ничего не узнал. А потом я предложил ей устроить жизнь.

– Устроить жизнь?

– Да. Понимаешь, расставаться с женщинами надо уметь. Серьезно уметь. Если ты ее бросишь, она может затаить зло и отомстить.

– А иные женщины помнить зло будут годами.

– Вот именно. Но когда уходит сама женщина, это совсем другое. Она будет даже довольна, что бывший любовник не создаст ей проблем. Я сумел потихоньку подвести к тому, что надо устраиваться в жизни, нужны семья, дети... свою игрушку она получила, цели добилась, теперь надо уже всерьез подумать о себе. Семья у нее была не из богатых и знатных, поняла она все правильно и быстро.

– И?..

– Я лично приглядел для нее супруга. Именно Самуэля Веласкеса. Он тогда как раз пошел в гору, начал раскручиваться, и мне понравился. Парень неглупый, осторожный, в заведомо проигрышное дело не полезет, семья хорошая... надо брать!

Амадо понимающе кивнул. Он ничуть не сомневался, что Серхио приглядел для любовницы подходящий вариант. Похлопотал.

– Она вышла замуж – и?..

– У нас все закончилось месяца за два до ее свадьбы. Потом мы поддерживали ровные дружеские отношения. Моя дочь – ее подруга, я – вроде доброго дядюшки. Конечно, я приглядывал за ней, но в семье все было в порядке. Джинни родила двоих детей, была довольна и счастлива. Еще месяц

назад я ее видел – все было хорошо.

– Могла она притворяться?

– Нет, – решительно качнул головой Серхио. – Годы прошли, у нее все прошло, все забыто, она сама мне сказала об этом недавно.

– Когда именно?

– Может, с полгода назад. Мы случайно встретились, вспомнить старые времена, посидели в кафе. Нет-нет, ты не подумай. Мы просто встретились, ну и разговорились. Я ее в постель не тянул, вот еще не хватало!

– Понимаю. Это была молодость, а ее вспомнить приятно.

– Именно! Джинни была счастлива в браке, хотя муж ей изменял, это было.

– Любовница? Обычно жена узнает последней?

– О неверности мужа Джинни давно уже знала. Собственно, это не неверность. Просто раз в пять-десять дней он ходит в бордель. Всегда один и тот же. «Золотая роза».

Амадо хмыкнул.

– А откуда денежка? Кто оплачивает веселье?

Серхио сдвинул брови.

– Доходы его я не проверял. Но ты прав, безусловно.

«Золотая роза», несмотря на безвкусное название, во всем остальном была весьма и весьма дорогим борделем. Изысканная обстановка, лучшие девочки в городе, услужливые и опытные... для клиентов с легкой чудинкой. И цены...

Такие цены, что жалованья Амадо хватило бы как раз

на два-три похода в этот бордельчик. Не больше.

Ты можешь заказать что угодно, ты можешь не бояться ни болезни, ни огласки, ты будешь обслужен по высшему разряду. Но!

Цены и еще раз цены. И заранее платить, и девушкам там принято дарить подарки, то есть дешево не отделаешься. Ленточку не подаришь – весь город смеяться будет.

Доходы купца? Сложно сказать, что именно они позволяют. Вот если взять антикварный магазинчик той же Антонии – Амадо был в курсе его дел, Тони не смогла бы себе позволить такие траты.

А этот Веласкес? Сколько зарабатывал он? Прибыль – это ведь не так просто. Ее надо в дело вкладывать, надо семью содержать, надо налоги платить, надо... Много всего надо. Очень много.

Знают ли о таких интересных доходах в налоговой?

– Жена его убила – из ревности?

– Вот, возьми. Почитай подробно.

Серхио протянул подчиненному сводку для начальства. Это у Амадо было краткое перечисление событий. У Серхио было уже все по этому делу. Вплоть до протокола осмотра, допроса и прочего – что делают по горячим следам.

Амадо послушно закопался в бумаги, переводя канцелярит на нормальный язык.

Около полуночи, чуть позднее колоколов, служанка Мария Соледад Перальта проснулась. Колокол прозвонил, по-

том ей потребовалось в уборную...

После уборной она решила что-то скушать. Ну, дело житейское, хозяева держали для слуг специальный холодильник и не запрещали обедать и ужинать. Но по дороге в кухню она услышала какой-то шум. Вроде как он доносился со стороны гостиной.

Мария Соледад заглянула туда – и чуть не лишилась чувств от ужаса. Все было забрызгано кровью – вплоть до потолка. Посреди комнаты лежал мертвый хозяин... так, предварительно – шестнадцать ран, из них одна смертельная. Остальные особой опасности не представляли, но это нужно заключение некроманта.

Рядом с трупом хозяина сидит хозяйка, в руках у нее нож, она раскачивается и повторяет одно и то же: «Я его убила. Я его убила...» Словно марионетка. И глаза, как две пуговицы.

Служанка сделала лучшее, что можно было сделать в таких случаях. Она не заорала психушей. Она не перебудила весь дом. Она просто пробежала в прихожую, накинула пончо и выскочила на улицу. Чистый квартал, спокойное место... патруль появился очень быстро. Вот им она все и рассказала. Мужчины так же потихоньку прошли в дом, понятно, опечатали гостиную, увезли и труп, и хозяйку...

Сделали совершенно правильно, кстати. Потом телефонировали родственникам хозяина, чтобы те забрали детей. Серхио лично проследил, чтобы все было выполнено.

– Почему родственникам мужа? – уточнил Амадо.

– Потому что у Джинни отца не было. А мать... там очень своеобразная мать.

– Стерва?

– Мягко сказано. Будешь разговаривать – сам увидишь.

– От меня что требуется? – напрямик спросил Амадо. – Замять дело?

– Нет, – качнул головой Серхио. – С таким я бы к тебе и не обратился. Его надо расследовать.

– Там есть что расследовать? Кроме вашей убежденности, что Джинни не могла?

Серхио фыркнул. Выучили на свою голову. Сами! Своими руками! Ведь учили, воспитывали, наставляли... и он, и Шальвейн, и Риалон – и вырастили-таки!

Убежденность в том, что «он/она не могли этого сделать!» самая глупая и часто распространенная ошибка любого следователя.

Не мог – не могла?

А обстоятельства не учитываем?

Человек не может украсть? Допустим. А если у него ситуация... к примеру, болен близкий человек и ему срочно нужна громадная по его меркам сумма денег на лечение? Маги нынче дóроги!

Человек не может убить? А если на его или ее глазах кто-то пытается убить его ребенка? Тут и самый беззлобный схватит что потяжелее, да и навернет убийцу. Желательно насмерть. А потом еще ногами дотопчет, что осталось.

Ситуации, всегда ситуации.

– Я тебя убеждать не буду, что Джинни совершенно беззлобная девочка. Вот еще не хватало. Хотя мой опыт тоже стоит принять в расчет.

Стоит. Если бы ты с ней не спал. Но когда это мужчины здраво оценивали женщин, которых поваляли в кровати? Ну в очень редких случаях!

– Я тебе о другом скажу. Про бордель Джинни отлично знала. И моей Рите не раз говорила, и относится, в общем, спокойно. Если бы у мужа завелась ОДНА женщина – это опасно. А когда их вот так, много... это не страшно, это ерунда. Это вроде как в лавке сладостей, перепробовать побольше, пока в пузо лезет.

– С вашей дочерью мне тоже надо будет побеседовать.

– Я ей телефонирую. Разговаривай на здоровье. Джинни была спокойна в семейной жизни, довольна собой и мужем, тот хоть и ходил в бордель раз в пять дней, но жену тоже не забывал.

– У Вирджинии был любовник?

– Я не в курсе. Но мог и быть. А мог и не быть. Джинни достаточно аморфная девушка.

– Какая?

– Безынициативная. Не пнешь – не полетит. Если бы кто-то проявил серьезный интерес, приложил усилия, но это было бы заметно. А так – нет.

– А история с вами как сюда складывается?

Серхио пожал плечами.

– Очень даже логично. Это же не вспышка, не мгновенная любовь, и Джинни меня не преследовала. Подошла и призналась, вот и все. Откажи я ей – ушла бы. Даже не сомневаюсь. Расстались... сначала я побаивался ее действий, но уж сколько лет прошло, а она ни словом, ни взглядом, ни намеком, словно так и надо.

– Хм. Ладно... отец не говорил, когда вернется?

– Телефонировал. Я бы попросил Шальвейна, но тот не вернется в ближайший месяц, а то подольше.

– Что случилось? – напрягся Амадо.

– Твои братишки и сестренка случились. На мельнице... все спаслись, но Рей ногу сломал.

Амадо понимающе кивнул. Когда он попадал в семейство Лассара, у него появлялось желание купить большую клетку, залезть туда и запереться изнутри. И ключ проглотить.

Малолетние демоны? Как-то так. Если не страшнее. Характеры, энергия, фантазия... нет, клетка – это ненадежно. Лучше всего бронированная камера. Тоже запертая изнутри.

– А отец? Хотя там все ясно, только после родов...

– Отпуск он взял честь по чести. И вызвать его... я могу, конечно. И – не могу. Сам понимаешь.

Амадо понимал. Четвертый ребенок, у двух некромантов... отец не отойдет от жены, пока не убедится, что все будет хорошо. А это еще три декады после рождения малыша. Ну и до рождения тоже. В столице он будет не раньше весны.

Это понятно.

– А кто у нас сейчас дежурный некромант?

– Хавьер Маркос Карраско.

– КТО?! – почти стоном вырвалось у Амадо.

Серхио только руками развел.

– Знаю, вы друг друга не любите. Но прошу – потерпи.

А Карраско я уже пистон вставил, по самые гланды. Придержит он характер.

Амадо сильно на это не рассчитывал.

Да, осколки давней истории аукались семействам до сих пор.

Когда Освальдо Фаусто Карраско и Эрнесто Риалон соперничали за сердце любимой женщины. Последней из Лас-сара.

Как легко догадаться, победил Эрнесто. А вот Освальдо с поражением не смирился, пошел на преступление, потом погиб, а на семью обрушились королевские репрессии. А нечего тут!

Прижмите хвост, господа некроманты, закон – это король, а не вы.

Придворные должности Карраско потеряли, часть состояния тоже растратили в семейной грызне и вынуждены были сильно поумерить гонор. Но не злопамятность. Основные признаки некроманта – как раз омерзительный характер и хорошая память. И через триста лет и сами вспомнят, и тебе припомнят, и твоим потомкам достанется.

В частности, Хавьер Карраско был троюродным, кажется, племянником того самого Освальдо. И Риалонов очень не любил. Но проявлять это не спешил. Серхио внятно пообещал ему, что малейшее влияние дурного характера на работу – и Карраско вылетит со службы быстрее, чем летучая рыба. Впрочем, некромант не обиделся. Потому как Амадо тоже был предупрежден.

Так что обращались мужчины друг с другом, словно с тухлым куриным яйцом. Не дай бог разбить!

Амадо вздохнул, сгреб со стола полученное дело – и поднялся.

– Ладно. Тогда я пошел в морг.

– Пожалуйста, Амадо. Постарайся. Мне дорогá эта девочка.

Амадо молча кивнул.

Он действительно постарается. Но...

– Если это все же она?

– Тогда суд и наказание. Я смирюсь.

Амадо кивнул.

Да, в этом отношении Серхио молодец. Не дает личным симпатиям влиять на работу. И за это его искренне уважает все управление. Ладно... морг – значит, морг!

* * *

Не миновать бы Феоле скандала с братом, а то и сестрин-

ского возмущения. Да и от нотаций ританы Долорес не увернешься...

Но – надо было пройти таможеню. И быстро!

Корабль причалил. Сейчас начнут спускаться с него на берег все остальные, и тогда будет сложно.

Порядок для всех один.

Прибыл?

Заполняй декларацию.

Да, танов и ритан пропустят вперед. Отнесутся к ним более внимательно. Но... все мы люди. Кто-то и сам знатный, кто-то денежку сунет, кто-то еще что-то... более предусмотрительный Анхель уже договорился в таможене, но надо было идти туда – и **БЫСТРО!** Пока купцы не пошли!

Это у Ксаресов имущества три чемодана... ладно. У Феолы три, у Алисии еще двадцать семь, но это все личные вещи. Не на продажу. Их не надо декларировать, их не надо оценивать...

С купцами возни будет намного больше.

Так что Лоуренсио одарил сестру многообещающим взглядом и показал в сторону таможни.

Феола пожала плечами и последовала за братом.

Она любит и его, и Алисию... ну что поделать, если они такие глупенькие? Сначала подбирают всякую дрянь ядовитую, потом жалуются, что их укусили... а как тут иначе? Все Феола понимала.

И что она-то видит, а брат с сестрой нет. И что нельзя так

резко. И что надо бы осторожнее.

Но как тут быть, если один взгляд на человека – и все внутри аж взвыло в тревоге?

Враг!

ВРАГ!!!

Неужели вы гадюку уговаривать будете? Или сразу палкой по ней? А еще лучше не трогать. Если уж вовсе никак не разминуться – откинуть от себя подальше, да и пусть ползет!

Вот и с этим Анхелем так же.

Нельзя, нельзя с ним иметь никаких дел! Попросту нельзя!!!

Но как объяснить это брату?

Феола решила так просто не сдаваться и проследовала в здание таможни.

– Ваши документы?

Документы все были у ританы Долорес. Она их и отдала таможеннику. Тот протянул бумаги симпатичной бледненькой девушке, которая и принялась вносить данные во все бумаги.

Привилегия благородных. Сами они декларации не заполняют.

Даже если торгуют – могут приказать за них все внести. Хотя стараются не злоупотреблять. В меру, сеньоры и таны, в меру. А то злопамятный таможенник кому хочешь жизнь испортит.

Ксаресы ничем не торговали, управились быстро.

Товаров нет, оружия нет, обыск проведен выборочно...

Таможенник расспрашивал, девушка писала, Феола оглядывалась по сторонам.

И... показалось ей, что ли?

К людям она приглядывалась всегда, такова уж природа ее силы. Если таможенник – самый обычный человек, с зубной болью и гастритом, то вот его помощница...

Она человек?

Феола не знала.

Вроде как и человек. И маг воды.

И еще что-то... не понять, что именно. Словно сквозь водяную линзу смотришь, все колышется, размывается... но и не спросишь ведь о таком.

Вот так вот подойти к человеку... простите, а вы точно человек? Будь они один на один, Феола не постеснялась бы. А на таможне, когда кругом полно людей... нет, не надо.

Она просто имя девушки запомнит и потом сюда наведется... но правда! Не человек она, что ли?

Но выглядит-то человеком!

Руки-ноги, голова, все на месте, все вполне себе нормальное... не просить же ее раздеться?

Ничего не ясно, а вот вопросов полно.

За размышлениями Феола и заполнение деклараций пропустила, и выборочную проверку их имущества, и даже на тана Анхеля не цыкнула, когда тот принялся помогать ее сестре.

Таможня.

Непонятно только, как девушку зовут. Но внешность Феола хорошо запомнила. Изучила и не собьется. Вот устроится она на новом месте и обязательно сюда заглянет.

Зачем?

А вам не любопытно?

А ей вот очень даже любопытно. Обязательно она сюда вернется!

* * *

Бывает же такое?

Вроде бы и симпатичный человек, и внешность приятная, но какой же он противный! До ужаса!

Амадо подозревал, что Хавьер думает о нем то же самое. Но это уже его проблемы.

– Добрый день. Убийство Веласкеса.

– Ваше? – вежливо сморщил нос некромант.

– Мое, – так же вежливо отзеркалил Амадо.

– Плохое дело, – не без злорадства сообщил Карраско. – Он не поднялся.

– Как?

Ответом Амадо был кивок на стол с покойным, прикрытым белой простыней. Мужчина пригляделся к покойнику. А ничего так, надо сказать.

Ни брюха, ни уродства, вполне симпатичный мужчина

был при жизни, это точно. Жена им точно была довольна. Если и не в постели, то на улице и перед подругами покрасоваться – точно.

– Вот так. Ни тушкой, ни призраком, ни через зеркало – никак!

– Хм... – глупых вопросов Амадо задавать не стал. Да, он терпеть не мог Карраско, но признавал его профессионализм.

– Именно. Если бы его просто истыкали ножом, такого бы не случилось.

– А нож далеко?

– Вот он.

Действительно, самый обычный нож, чуть ли не хлеб им резать... острый, но не уникальный кинжал.

– Сколько на нем ран?

– Восемнадцать. Две смертельные – в сердце и перерезано горло. Остальные – так, словно его просто потыкали.

– Хм... а какая рана была первой? В сердце, в горло?

– Думаю, в горло.

– Остальные раны могут быть для отвода глаз?

– Преспокойно.

Амадо подумал еще какое-то время. Но недаром он был Риалоном. И отца с детства слушал... какой мальчишка откажется послушать о преступлениях? Это уж потом увлекся наукой, а в детстве-то... только говори!

– А нож действительно тот самый? Которым нанесены ра-

ны?

Карраско тоже хмыкнул.

– Сейчас проверим. Недавно появилась интересная теория. Якобы все предметы состоят из мельчайших частиц... так вот. Когда предметы взаимодействуют, они оставляют друг на друге эти частицы. Их может быть совсем мало, но они будут. И их можно определить по заклинанию сродства.

– Вы им владеете, тан? Или пригласить специалиста?

– Владею, – отмахнулся Хавьер. Неприязнь отдельно, работа отдельно. Он достал из-под простыни, которой был накрыт покойный, широкий клинок, откинул простыню и принялся проводить над ним какие-то манипуляции.

Амадо тем временем осматривал труп. Да, ему необязательно это делать, но лучше составить свое впечатление. Хотя и так понятно.

Покойный Веласкес был хорошо сложен, одарен природой, ухаживал за собой и следил. Татуировок нет, шрамов тоже нет. Рельеф хороший... явно нравился женщинам.

Раны.

Одна такая, что горло располосовали чуть не до позвоночного столба, должно быть, кровь хлестала, как из зарезанной свиньи. Оттуда и «кровь на потолке, и на стенах». Кстати... Амадо быстро пролистал дело.

Ага. На Вирджинии крови почти не было. Руки в крови, лицо в крови, как если бы она руками за лицо схватилась,

на одежде несколько пятен. Амадо прищурился на нож. Прикинул его к ране на горле... нет. Не сходится что-то.

Прав Вальдес, таким ножом горло не перережешь. Размахнуться можно, а вот перерезать... это сложно. Даже очень сложно. Да, две раны, в горло и в сердце. А остальное – так, порезы. Это даже сейчас видно.

– Смотрите, – Хавьер держал заклинание.

Нож светился синим цветом.

И такие же синие огоньки бегали по ранам мужчины. Почти по всем. Кроме горла и сердца.

Хавьер отпустил заклинание и вытер пот со лба. Все же некромант он слабый. Не чета дядюшке Вальду.

– Сейчас сяду, напишу протокол.

– Две раны нанесены другим оружием. Остальные – этим.

– Именно.

– Осталось выяснить, что это за оружие и куда оно делось...

Амадо еще раз прикинул траекторию удара по горлу.

Да, только так. Только зайти сзади, обхватить – и полоснуть. Но это не для женских рук и не для женских сил. Хотя на Вирджинию он еще посмотрит. Но... уже сейчас можно сказать Вальдесу, что чутье его не подвело.

На месте преступления явно был кто-то третий.

Осталось выяснить, кто именно это был и куда он делся.

Начал Амадо с самого простого. Чего разгуливать по го-

роду, если супруга покойного, она же главный подозреваемый, она же свидетель преступления, что не исключено, сидит у них под замком?

Камера предварительного заключения.

Нет-нет, не надо рисовать себе узилищ и прочих ужасов. Все очень простенько и без излишеств. Беленые стены, металлическая кровать, привинченная к полу, на ней тюфяк, подушка, одеяло. Не сказать, чтобы очень уж пышные и мягкие, но... был грех!

Пару раз Амадо там и сам преотлично отсыпался. Когда работы наваливалось – хоть убейся. И когда Альба была особенно не в духе.

Очень уютно, очень миленько. И унитаз в углу, скромно прикрытый ширмочкой, и даже стол и стул. Это ведь не тюрьма. Этот камера предварительного заключения именно для серьезных клиентов. Обычную шваль можно и в «ячейки» сгрузить, а сюда попадают таны или вот, как сейчас, ритана.

Сидит, смотрит в пол, на лице написано полнейшее равнодушие к своей судьбе...

И что это может значить?

Амадо кивнул охране и снял с гвоздика ключ. Вошел в камеру.

На него даже глаз не подняли. А вот сам он рассматривал Вирджинию Монику Веласкес с большим интересом. Что ж там за красота такая?

А вот такая.

Ей бы огня побольше, и Джинни была бы неотразима. Высокая, выше среднего роста, статная, не полная, а вот именно что статная, с роскошной грудью и бедрами, с правильными чертами красивого лица, она напоминала те фигуры, которые водружали на носу кораблей.

Черные гладкие волосы, черные глаза, с таким, черешневым отливом... красиво.

Но стоит помнить, что фигура на носу кораблей называлась галюнной, потому как там же располагалось и отхожее место⁴. Так что фигура его даже слегка маскировала. А вот что скрывается за маской этой женщины?

Амадо кашлянул. Ноль реакции.

Поздоровался. Опять то же самое. Сидит пенек пеньком, в стенку смотрит...

Подошел и тряхнул женщину за плечо.

– Сеньора Веласкес!

И снова – бесполезно! Так... Амадо решительно взял ее за волосы, собранные на затылке в узел... кстати, почему такая прическа? Наряд домашний, а прическа вполне себе уличная, даже шпильки с жемчужинками есть.

– Сеньора, вы меня слышите?

Бесполезно. Лекарства? Амадо бесцеремонно (все равно не сопротивляется) повернул женскую голову к свету, взгляделся в зрачки. Как они? Расширяются, сужаются?

---

⁴ Чистая правда.

И чертыхнулся.

– Дежурного некроманта сюда! Быстро!!!

Долго ждать не пришлось. Но прибыл Хавьер еще более разозленный, чем обычно.

– Что случилось, Риалон?

– Может, мне и показалось, – честно сказал Амадо. – Я не отец, у меня дара нет. Но – посмотри. У нее в зрачке – крест.

Хавьер почти с сочувствием поглядел на следователя. Да, Риалонов он не любил и терпеть не мог. Но вот чтобы так... он впервые подумал, каково сыну некроманта было родиться неодаренным. Трагедия.

В семье Карраско это так и воспринималось, даже хуже. И таких детей буквально выкидывали на улицу. Разве что не в канаву, но и так приятного было мало. А Амадо? Отец его не бросил, парень даже в чем-то разбирается, но... ему, наверное, тоже было неприятно.

– Давай посмотрю.

Хавьер и подавно не церемонился. Поворачивал женщину, словно куклу...

– Ты прав, Риалон. Проклятье, как есть.

– И?..

– Интересно, кой дурак получал с нее признание? Под «Крестом» она и говорить-то толком не могла!

Амадо задумчиво кивнул.

Знал он это проклятье, называется «Могильный крест»,

если уж правильно, накладывается на жертву, и та через три дня умирает. Впадает в оцепенение, ничего не соображает, ни на что не реагирует, умирает от остановки сердца. Вполне гуманно, даже безболезненно. Почти эвтаназия.

– Если срок – с ночи?

– Я бы предположил, что с вечера, да.

– Она просто могла блять какие-нибудь глупости. Вроде «Это я...», или «да, нет, страшно...». Дело полицейских не разбирать такое, а тащить и не пущать.

– Тоже верно.

– Можешь разобрать, кто накладывал, когда...

– Конечно. И снять тоже. Но лучше не здесь, а в лаборатории.

– Я сейчас распоряжусь, ее отведут, а потом пусть вернут сюда же. Хорошо?

– Конечно. Но ты знаешь, Риалон? Допрос не раньше чем через три дня, а то и позднее. Как в себя придет...

Амадо кивнул. Знал он про «Могильный крест», знал. Отец рассказывал в свое время.

Проклятие-то гуманное, и смерть безболезненная. А вот остальное...

Накладывать должен только некромант. Артефактом такого эффекта не добьешься. Не тот случай. Правда, некромант может быть даже начинающим. Это одно из самых простых и легких проклятий. Легко распознать, увидев рисунок креста в зрачке, легко снять, легко наложить...

Правда, жизненные силы оно выпивает преотлично. Считай, лет пять жизни сеньора Веласкес уже потеряла. Могла бы и больше. Времени для наложения проклятия тоже много не надо. Может, минут пять, и то многовато.

Впрочем, задумано было неплохо. У наложивших проклятие были хорошие шансы на успех. Труп, женщина рядом с ним, муж, жена... считай, и признания не надо. Все ясно. А сейчас, в преддверии королевских похорон и коронации, кто там с чем будет разбираться? Сунули бы ее на пару дней в камеру, там бы она и померла. И концы в воду.

И кто у нас в Римате такой хитровыдуманный завелся? Амадо очень не отказался бы с ним познакомиться поближе. И потрогать. Лучше – ногами, недавно на сапоги новые металлические набойки поставил.

* * *

Его высочество Хоселиус Аурелио смотрел в зеркало. Да, пока высочество. До коронации.

Зеркало привычно отражало усталого бледного человека с наполовину седыми волосами.

Очень усталого.

Говорят, все надо делать вовремя. А уж корону передавать... никто не думает, что если монарх сидит на престоле пятьдесят лет, то его наследник... да ладно! Он может и вообще не успеть поцарствовать.

Может. Тогда на трон сядет внук монарха-долгожителя.
А если успеет?

Если власть сваливается на тебя, как... как птичье дерьмо?!

И что с ней делать?

И на кой демон она нужна?

Отцу, понятно, было нужно. Хотелось, рвалось, чесалось, как ни обзови, это было – ЕГО! Даже в семьдесят с хвостиком Аурелио Августин был отличным правителем. Жестоким, умным, расчетливым, хладнокровным...

А вот Хоселиус Аурелио... Не чувствовал он в себе такого.

Он был рядом с отцом, он учился, он честно выполнял все протокольные мероприятия, он...

Он – пытался. Попытка – не пытка?

Это еще как посмотреть! Когда на тебя все смотрят, когда ждут от тебя решений, управления, да хоть чего-то... хоть бы и рывканья во весь королевский голос!

А ты ничего сделать не можешь.

Или можешь, но понимаешь, что это не то, не так, что отец поступил бы иначе, и это было бы лучше... что на тебя смотрят с осуждением, что сравнивают с отцом, что за спиной раздаются шепотки...

Хоселиус Аурелио кожей их чувствовал.

И слова, и взгляды, и осуждение, и...

Как тут быть? Что делать?

Отказываться от наследства? Передавать все сыну? А справится ли Бернардо? И не вызовет ли это волнений?

И... а вдруг Хоселиус справится лучше сына?

Да, бывает такое, он хуже отца, но лучше своего ребенка способен управлять государством.

Или нет?

Хоселиус едва не застонал, глядя в зеркало. Так и слышался голос отца: «Ну что ты за балбес? Неужели не ясно, как твое решение отразится на внешней политике?» Что делать?!

Что делать, как делать, зачем?! И нужно ли что-то делать? Самому – или кому-то поручить, а если да, то кому именно?

Хоть кричи, хоть стони, а результат... есть ли результат? Будет ли?

Скоро похороны, потом коронация, и все. Ни отказаться, ни уйти, ни...

– Дорогой?

– Я просил не беспокоить, – сверкнул глазами его величество.

– Даже мне? – Алехандра Патрисия Роблес вошла медленно, показывая и свою фигуру, и свою грацию, обычно это помогало отвлечь его высочество от проблем... не в этот раз.

– Даже тебе.

– Дорогой мой... – Алехандра преотлично поняла, что начини она возмущаться – вылетит вперед своего визга. И захлопала ресничками. – Я так страдаю, когда вижу твое го-

ре... так тяжело терять родителей...

Хоселиус мог бы сказать, что тяжело не терять родителей, а расхлебывать последствия потери. Но промолчал. А зачем говорить?

Любовница уже уселась ему на колени, поерзала круглой попкой в нужном месте, так, что мужчина ощутил отклик организма на едва прикрытые коротким домашним платьем прелести. Да и под платьем ничего нет.

Не решу проблемы, так хоть отвлекусь от них. И мужчина поудобнее пристроил даму к столу.

Алехандра привычно изобразила восторг, прикидывая, что попросить у любовника в этот раз. И может... чем она не королева? Если раньше папаша запрещал бедненькому Хосе жениться, то теперь дорога открыта! Надо, надо попробовать!

Ах, дорогой, ты просто тигр!

* * *

Как известно, ищи кому выгодно.

Так что первым делом Амадо решил навеститься к матери Джинни. Так, ради интереса. Посмотреть, что там за чудо такое, о котором с ужасом говорил сам Серхио Вальдес. Он демона-то не побоялся! А тут что?

Сеньора Арандо, Наталия Марина Арандо, жила на калле Мендес. М-да... есть такие улицы в Римате.

Вот калле Виарте, которая идет перпендикулярно — чистая улица. Там и дома шикарные, и освещение, и мостовая. А калле Мендес — скорее, закоулок. Вроде и рядом с чистым кварталом, даже внутри него, но... это как в хорошем доме. Есть помещения для господ — есть для слуг. Вот калле Виарте было для господ, калле Мендес для слуг. И этим все сказано.

И освещения нет, и домишки откровенно паршивые, и даже запахи... вот как так получается?

На калле Виарте пахнет фиалками и морской свежестью. А войдешь на калле Мендес — и там воняет жареной на прогорклom масле рыбой и постиранными шмотками. Нет, не вещами, а вот именно что дешевым шмотьем. Да вон оно, и висит на заборе.

Неудивительно, что Джинни рвалась дружить с дочкой Серхио, странно, что он это позволил.

Или?..

Домик сеньоры Арандо выбивался из общего ряда. Чистенький, побеленный, аккуратный... и где, кстати, у нас сеньор Арандо?

Амадо коснулся колокольчика.

— Не подаю! — донесся из дома рявк.

Амадо позвонил еще раз. И еще. И дождался, наконец, чудного видения. Сеньоры Арандо с метлой в руках. Выскочила из дома, аки фурия, сверкая глазами, увидела у калитки прилично одетого мужчину, но ничуть не смягчилась.

– Вы кто такой?! Что нужно?!

– Здравствуйте, сеньора Арандо, – вежливо отозвался Амадо. И достал свой медальон. – Следователь Управления полиции Риалон. Вы можете уделить мне четверть часа для серьезного разговора?

Сеньора прямо зашипела:

– Не шумите на всю улицу! Эти с-соседи...

– Сеньора, может, мы тогда поговорим приватно? У вас дома? Или в Управлении?

Второе предложение вообще энтузиазма не вызвало.

– Да, проходите, конечно. Калитка открыта.

Амадо чуть склонил голову и воспользовался приглашением.

Ухоженный дворик, даже слишком ухоженный. Цветы чуть ли не по линейке рассажены, сорняки пинцетом выщипаны, ни малейшего беспорядка.

Садоводом Амадо не был ни разу, но... не бывает так, что-то и где-то да останется! Скол на облицовочном кирпичике, пятно на краске, забытая лейка...

А тут – совершенство.

Цветы какие-то странные, не особенно красивые. Но это уж кому что нравится.

Дом тоже вылизан до блеска. Так прикрывают нищету? О, нет. О нищете тут речи не идет. Кому другому расскажите, не Амадо. Вот тебе и бокалы из дорогого хрусталя, вот и пушистая шаль, аккуратно сложенная на диване. Амадо сам

за такую платил... считай, дней пять работы – шали под... нитку! Дорогие они, как сволочи.

Нет, тут дело не в бедности. Но Серхио вроде как говорил что-то такое... ну-ка?

– Сеньора Арандо, вы в курсе происхождения? Этой ночью, с Вальдесами?

– В курсе.

Интересно. И до сих пор не с внуками, не обивает пороги, пытаюсь узнать, что с ее дочерью, не... просто сидит дома – и все. Это как? От большой любви?

– Как вы понимаете, я обязан провести допрос всех, кто хоть как-то относится к этому делу. Я понимаю, что вы ни в чем не виноваты, – и добавить обаятельную улыбку, которую унаследовал от матери. – Но обстоятельства таковы, что я должен, и умоляю вас проявить ко мне снисхождение.

Сеньора смягчилась буквально на глазах.

– Работа, да... хотите кофе, сеньор...?

Амадо ухмыльнулся про себя. Ну да, действует безукоризненно. Сначала сказать клиенту о его невиновности, потом посетовать на судьбу, а потом начать спрашивать о сущих, казалось бы, пустяках. И клиент постепенно выложит много чего интересного. Проверено и не раз. Не на всех действует, но в данном случае – сойдет.

– Риалон. А для вас можно просто Амадо. Мы с вами почти ровесники, сеньора, вы, должно быть, родили дочь совсем молодой...

Кофе он попросил не просто так.

Тоже проверка.

И действительно, очень быстро по комнате разнесся запах одного из лучших сортов кофе. «Золотого марея». А стоит он весьма и весьма дорого. Амадо не по карману, Альбе его тесть преподносит раз в месяц. Интересно, откуда деньги – у сеньоры?

Надо бы порасспросить... попробовать. Одета она, кстати, не лучше других. Так, наряд явно не от изящных портных. Или сама шила, или купила готовое платье... это видно. Амадо – точно видно, Альба научила разбираться. Иногда и такое умение кстати оказывается.

И еще...

Сеньора очень красива. И в юности была великолепна. Это сразу видно. И волосы, и глаза, и стать... она и сейчас демонски хороша собой.

Но – Амадо видел разницу между сеньорой Арандо и той же Альбой.

Альба не такая красивая, но она *ухаженная*.

Она холеная, лощенная, от кончиков ногтей до кончиков волос, она и парикмахеров посещает, и за кожей следит... а тут красота есть, но она запущенная.

Сад вылизать, дом вычистить, а себя запустить? Странно это как-то. Непонятно.

– Сеньора, вы не расскажете мне, какой девушкой была Вирджиния? Каким ребенком? Может, что-то было в ее жиз-

ни... вы понимаете... – Амадо повертел пальцами в воздухе, как бы предоставляя сеньоре полную свободу действий. И та не подвела.

Уселась напротив, положила в рот дорогушую конфету, печально вздохнула.

– Моя дочь... я даже не сомневалась, что она закончит именно так. Глупая, бездарная, легкомысленная пустышка, для которой не было ничего важнее ее собственных желаний.

– Примите мои соболезнования, сеньора. Наверное, вам было очень тяжело...

Сеньора кивнула.

– Да. Вирджиния всегда была ленивой, лживой, хитрой...

Сеньора распиналась. Амадо смотрел и думал, что это как минимум интересно. Своему начальнику он доверял чутьчку побольше.

Ладно – лень. Это логично, это понятно, это бывает. Это и при аморфности, и при избытке хитрости. Но остальное? Судя по словам сеньоры, в ее доме росло исчадие ада. Лично Ла Муэрте, прибыв в гости под этот кров, должна была прослезиться и сказать: растет достойная смена. Не иначе. И такая Вирджиния, и сякая, и никого она в медяк не ставила, и мать она не слушала никогда, и замуж вышла без ее благословения...

– А почему? Вроде бы сеньор Вальдес – не худшая партия?

Сеньора выглядела так, словно о чем-то проговорилась. Но... о чем?

– У меня... был лучший вариант на примете, – выдавила она из себя.

А, это дело житейское. И такое бывает. Постепенно Амадо вытаскивал из сеньоры все новые и новые подробности.

Нет, с дочерью она была не в близких отношениях. Да, дочь у нее единственный ребенок, увы. Внуки? Да, она рассчитывает, что внуки получатся более удачными! К примеру, у младшего есть все шансы стать приличным человеком. Но дочь и тут все портила, не давая бабушке с ними общаться.

Не зять. Не свекор или свекровь.

Дочь. Корень зла.

Вот если бы Амадо сам не видел крест в зрачке Вирджинии, он бы даже поверил. А сейчас возникал вопрос – зачем? Зачем матери нужно так оболгать свою дочь, чтобы та попала за решетку? А то и на плаху за убийство мужа?

Проверим...

Завещание? Опекунство над внуками?

Нет-нет, сеньора ни на что не рассчитывает. Ей ничего не достанется, да и свекор со свекровью те еще твари склизкие. И все равно! Так детям будет лучше! И точка!

Амадо только кивал. Конечно-конечно, вы все правильно говорите, сеньора. Как есть – лучше.

Из домика он вышел с таким ощущением, словно слизняков наелся. Вот ведь мерзотная тетка, иначе и не скажешь! Отвратительная!

Куда бы пойти, чтобы это перебить?

Впрочем, решить, в кабак он хочет или на работу, Амадо не успел. От изгороди ему замахала рукой сухонькая старушка.

— Эй, сыщик, иди сюда.

Амадо тут же откликнулся на приглашение, и не пожалел.

— Ты от Маринки идешь?

— Да.

— Знаю, с ее дочерью беда.

Амадо кивнул. И тут же был вознагражден приглашением зайти и выпить чашечку кофе.

* * *

Этот кофе был на порядок дешевле. И поданы к нему были не сладости из лучшей кондитерской Римата, а обычные пирожки с ягодами. Но насколько ж здесь было теплее и вкуснее! Просто потрясающе!

Амадо расслабился под воркотню сеньоры Хуаны Сесилии Варгос. И слушал ее, словно песню.

Вот ее слова больше сходились с тем, что говорил Серхио. Нет, нельзя сказать, что она рассказывала о Вирджинии как об образце прелести и трудолюбия, отнюдь. Но это и понятно!

Какой девушке нравится полоть огород или вышивать? Удрать бы к подругам или мальчику глазки построить...

а Наталия Марина Арандо держала дочь в ежовых рукавицах.

Практически ни с кем не позволяла общаться, ругалась, не пускала на гулянки... стоит ли удивляться, что девочка стала искать свои выходы?

Прогуливала школу, сбегала из дома через окно... однажды неудачно распорол юбку и не знала, как идти обратно. Так ее и увидела сеньора Хуана.

Напоила, накормила, помогла со штопкой... и неожиданно для себя очутилась в доверенных лицах у маленькой Джинни. Хотя какой – маленькой? Четырнадцать лет, иные в этом возрасте и детей заводят.

Как и многие на калле Мендес, сеньора Хуана недолюбливала сеньору Наталию.

– А ее мужа? – уточнил Амадо.

– А вот мужа у нее нет. И никогда не было. Были деньги, явилась она, дом купила, и все. Спрашивали, она сказала, что муж был капитаном дальнего плавания, просто утонул во время шторма. А ей страховая компания выплатила достаточную компенсацию.

– Понятно...

Надо проверить. Сеньора Арандо, капитана...

С помощью сеньоры Хуаны Джинни научилась дурить мать. И кстати, до сих пор поддерживала с сеньорой Хуаной нежнейшие отношения, заезжая хотя бы раз в пять дней.

– А мать?

– Джинни выбирала время, когда мать была в храме. Или на море. Она туда регулярно ходит, цветы в воду бросает.

– Понятно...

– Каждые три дня, как по расписанию. Уходит в шесть утра, приходит в десять. Вот Джинни и выбирала это время.

А сколько надо времени, чтобы добраться до моря и бросить туда цветы? Амадо подозревал, что не четыре часа. Это же Римат... разве что сеньора уходила куда-то подальше? Могло быть и такое. Тоже надо проверить.

Со слов Джинни, мать форменным образом свихнулась и на покойном отце, и на самой Джинни. Растила ее, словно породистую лошадь, очень тщательно следила за распорядком дня, за рационом, за осанкой, манерами, одеждой... а девочка росла.

И влюбилась по уши.

Да, и такое бывает. Влюбилась, потеряла голову, в чем честно и призналась сеньоре Хуане. Это и с самыми меланхоличными натурами случается. Сеньора Хуана подумала, да и дала девочке совет. Тот самый, который привел ее в постель Серхио.

Коли уж на то пошло... тут все сложилось один к одному.

Девочку было жалко, ее мамаше хотелось насолить, ну и – посоветовала. А дальше Вирджиния многое сделала и сама. И замуж вышла по совету любовника – тоже сама.

Нельзя сказать, что она сожалела или печалилась. Полу-

чив желаемое, она *перегорела* и уже спокойно подошла к выбору дальнейшей своей судьбы. Мужа особенно не любила, но в постели им было хорошо, детей они любили оба, а измены...

Бордель – изменой не считается. Это как нужду под кустом справить, когда приспичило. Так считала сеньора Хуана, так, с ее подачи, считала и Джинни. Она мужу не изменяла, просто не хотелось.

Не ревновала, не злилась, не страдала. Так тоже случается, ничего странного в этом нет.

Все ее время занимали дети. Старшая дочка любила рисовать, средний мальчик пока особых талантов не проявлял, зато обожал свою мамочку, и она его тоже. Дочка такой ласковой не была. Младший... что там усмотришь, в пять-то лет? Но он уже любил читать и пытался рисовать. И Вирджиния с удовольствием возилась с младшими, приглядывала за старшей, там уж возраст такой, что скоро начнется... сама она в этом возрасте и пошла к любимому, и чувствовала себя счастливой.

Единственное, что ее нервировало – сеньора Наталия.

Мать была ею решительно недовольна и постоянно пилила. Ругалась, ворчала, шипела, намекала, что Вирджиния разрушила свою жизнь... но как?! Чем?! Счастливым браком?

– Может, у нее был другой жених на примете? – подкинул идею Амадо.

– Может, и такое было. Но Джинни не знала, кто именно, – честно созналась сеньора. – Даже не предполагала.

– И намеков не было?

– Практически никогда.

– Практически?

– Пару раз Джинни говорилось, что она должна хранить девственность, и что ее судьба будет выше королевской. Но это уж, сами понимаете, чушь редкостная.

Ой ли?

А вот Амадо мог припомнить несколько некромагических практик, для которых нужны или девственницы, или их *первая* кровь. А то и ритуальное изнасилование на алтаре, всякое бывало. Отец рассказывал.

Но... хотя какое – но?! В деле уже есть неучтенный некромант! И это надо расследовать!

Говорите, судьба выше королевской?

Разберемся, кто у нас там выше короля хочет быть. А для начала наведемся к родителям несчастного Веласкеса.

Амадо допил кофе, сердечно поблагодарил сеньору Хуану и отправился дальше. Кулек с пирожками согревал ему и руку и душу. Вот ведь... милейшая женщина! И так понимает тяжелые будни сыщиков!

Ам, чавк... и плевать, что есть на улице некультурно! Зато вкусно, приятно и полезно! Вот!

Дом Веласкесов был решительной противоположностью дому сеньоры Наталии. У сеньоры Арандо все было ухожено, скучно, безжизненно. Математически выверенный клочок земли.

У Веласкесов же... громадный парк, заросший, кажется, без всякой системы. Но Амадо понял.

Для детей. Здесь просто все сделано для детей. И вон та беседка, из двух, словно бы нарочно склонившихся друг к другу дубов, которые заплел плющ. И вон тот домик на дереве.

И ягодные кусты... какой понравился, такой и обрывай.

И трава, о которую наверняка не уколешь ногу. Амадо не видел в ней колючек. Сорняки?

И пусть их!

Разве повалеешься всласть на клумбе с розами? Разве выпустишь в красивый сад сеньоры Арандо собаку или кошку? Или ребенка? Да никогда!

А здесь можно бегать, падать, валяться, наслаждаться жизнью, делать, что тебе понравится – и не ждать грозного окрика. А вот куда вы, такие-рассякие, пошли? Розы поломаете или, там, гортензии растопчете.

Здесь можно быть счастливым ребенком. Амадо и сам бы от такого не отказался.

Самих детей найти несложно. Вон – шум из-за дома какой... Амадо решительно дернул за колокольчик у ворот и стал ждать привратника. Впрочем, недолго.

– Что вам угодно, сеньор?

– Тан Риалон, – поправил Амадо.

После того случая, пятнадцать лет назад, король даровал его отцу потомственное дворянство. А Амадо тоже его потомок...

С одной стороны, могли и прокатить – закон обратной силы не имеет. Вот если отец кого уже потом наплодит... С другой стороны, дворянство дано Риалонам. Вот Амадо – Риалон и есть. А новые его братья-сестры, они будут Лассара-Риалон. И титул у них будет по праву рождения.

Возникла небольшая сложность, но тут помог тан Карлос Мануэль Кампос.

Он по достоинству оценил помощь Эрнесто Риалона в борьбе с монстрами. И был в курсе семейной истории некроманта. Вот и порадел. А точнее, просто автоматически внес в приказ и Амадо.

Потомок? Да! Прямой и пока единственный! Значит – тан! Чего вам еще требуется?

Чиновники могли бы придаться, но к чему? К приказу короля? Тогда и так всю Астилию трясло, хоть ты под лавку прячься и молись, чтобы пронесло. Ну и не стали вязаться. А мимо королевских глаз это тем более прошло – вот еще, мелочь какая! Таном больше, таном меньше...

Поместье-то Амадо от королевских щедрот не перепало, и это было справедливо. Он тогда ничего не сделал, разве что в плену побывал. Но титул – ладно уж. Он тоже в жизни полезен и нужен.

– Что вам угодно, тан Риалон?

– Я хочу поговорить с хозяевами. Они дома?

– Сеньор Веласкес сейчас не принимает. Сеньора слегла.

Амадо только вздохнул.

– Вот мой жетон. И давайте обойдемся без рассказов. Я все понимаю, но у меня есть новости, которые заинтересуют ваших хозяев. И может, даже их обрадуют.

Слуга пожал плечами, видимо, не веря в такое счастье. Но послушно отправился докладывать, пригласив Амадо в небольшую беседку рядом с калиткой. Сыщик уселся в тени плюща, вытянул ноги.

Хорошо...

Долго Амадо ждать не пришлось. Вернулся тот же слуга.

– Сеньор Веласкес примет вас.

Амадо проследовал за слугой по парку. Сбоку слышались детские голоса. Кто-то смеялся. Брызгал водой небольшой фонтанчик, сделанный в виде дельфина, цвели какие-то пряные травы, пахло травой и водой, и совсем не чувствовалась в этом саду ни осень, ни человеческое горе. А оно было...

Гонсало Николас Веласкес, отец несчастного Самуэля Гонсало, принял сыщика в гостиной. И Амадо только вздохнул про себя.

Вот это самое тягостное. Именно это...

Еще дней пять назад это был явно сильный и крепкий мужчина. Но горе... горе не щадит никого. Оно давит на плечи, посыпает снегом волосы, бороздит лицо морщинами...

Старик?.. Еще нет. Но близко к тому. И глаза – красные.

Мужчины не плачут?.. Плачут. Только не всегда в этом признаются. Им легче луковицу порезать... или съесть. Живьем и сырым. И тем оправдаться.

– Тан Риалон? Чем обязан?

– Здравствуйте, сеньор Веласкес. Прошу прощения за беспокойство, – Амадо вновь предъявил жетон сыщика. – У меня к вам есть несколько вопросов о вашем сыне.

– Моем покойном сыне, тан...

– Да, сеньор.

– Убитым собственной женой. Всевышний, как об этом детям-то сказать?

Амадо пожал плечами.

– Сеньор Веласкес, а если бы убил кто-то другой? Не Вирджиния?

– Тогда бы у детей осталась мать, а у нас – дочь, – четко ответил Веласкес. И посмотрел в глаза Амадо уже совсем иначе. Спокойно и рассудочно. – Вы хотите сказать, тан, что Джинни невиновна?

– Да. Вашу невестку вообще хотели подставить и убить.

– Кто?!

– Вот это я и пытаюсь выяснить. И хотел бы подробнее

узнать об их семейной жизни.

Сеньор Веласкес пожал плечами.

– Хорошо. Что именно?

– Начните с самого начала. Где ваш сын познакомился с Вирджинией?

Сеньор Веласкес задумался. А потом принялся рассказывать.

Где именно и как именно познакомился сын, он не знал, когда это молодежь посвящала старших в подробности своих романов? Молчат ведь, а родителям потом расхлебывать достается.

Зато сеньор Веласкес помнил, как сын привел Джинни домой.

Худенькую, в простом платье, похожую на встрепанного птенца... нельзя сказать, что невестка сразу завоевала симпатии супругов. О, нет! Такое и в сказках-то не всегда случается. Но постепенно, потихоньку, после свадьбы...

Супруги знали своего сына, знали, что он начал погуливать, и, конечно, побаивались. Разводы хоть и осуждаются Храмом, и получить их весьма и весьма нелегко, но – реально. Супружеская неверность – отличный повод. Только пожелай и докажи, а тут это было и несложно.

Но Джинни молчала. Не то чтобы она терпела, как-то раз между ней и свекровью состоялся достаточно откровенный разговор. И свекровь даже намекнула, что все мужчины... м-да. Бывает.

Джинни только рукой махнула. И заявила что-то вроде: для некоторых мужчин сходить налево, как нужду справить. Не ревновать же к каждому ночному горшку? Подход был одобрен единогласно.

Да и в остальном. Миленькая, не слишком умная, но и не глупая, умеющая поддержать светскую беседу, с удовольствием занимающаяся домом и садом, детьми и вышиванием... и что еще нужно? Да ничего!

К родителям мужа Джинни тоже всегда относилась уважительно, детей им присылала на выходные, так что они всласть возились с внуками...

Наверное, единственным пятном на солнце была мать Джинни. Но... кто ж избавлен от стервоз?

Правильно, никто в этом мире. Так что пусть ее...

А сама Джинни девочка хорошая, добрая... точно — не она? Радость-то какая...

Амадо убедительно попросил сеньора Веласкеса пока об этом помолчать. Пусть убийца пока решит, что следователь дурак и во все поверил. А потом уж, когда поймает негодяя, тогда его и разубедим.

Гонсало Веласкес и спорить не стал. Как скажете, тан следователь. И детям пока нельзя? Нет? Ладно, скажем, что маме-папе пришлось срочно уехать. Ох, спасибо полиции, сразу телефонировали, не разбудили малышню, не напугали... просто с утра детей забрали бабушка и дедушка. И привезли к себе. Такое уже бывало, они и не заподозрили неладного.

А когда для похорон отдадут тело?

Экспертиза... как скажете. Значит, так надо. Найдите этого гада, тан! Пожалуйста, найдите!

Амадо кивнул.

И успокаивал старика, и обещал найти убийцу, и просил волноваться поменьше... ему еще внуков воспитывать.

А с сеньорой Веласкес поговорить можно?

Гонсало кивнул. И даже лично проводил сыщика до дверей спальни. И лично предупредил супругу.

Амадо вошел в дамскую спальню, в которой резко и отчетливо пахло лекарствами.

М-да...

На кровати лежала старушка. Иначе и не скажешь.

Сухонькая, седая, словно выцветшая... банальность?

И пусть! А горе все равно никого не красит!

– Сеньора Идана Мерседес Веласкес?

– Да, тан Риалон. Что вы хотели узнать?

– Сеньора, я уже говорил с вашим супругом, – честно сознался Амадо. – Он многое мне рассказал, но все равно, вы – женщина. Вы можете увидеть нечто такое, на что он не обратит внимания. Что-то заметить, понять, связать узелки... скажите, что вы думаете о вашей невестке?

– Думаю, что она не убивала, – без сомнения ответила Идана Мерседес.

Амадо тоже это знал, но такой четкий и конкретный вер-

дикт?

– Почему вы так считаете, сеньора?

– Понимаете, тан... для этого надо знать и саму Джинни, и ее мать. Джинни очень покорная, спокойная, даже сломанная, я бы сказала. Именно потому, что ее мать... она словно фанатичка какая-то. Только вот не знаю, кому или чему она поклоняется, в храме она бывает раз в десять дней. Тут не придерешься, но я ее раз там видела. Она не верит, она словно повинность отбывает.

– Повинность?

– Надо ходить в храм? Она ходит. И точка. А вот о вере, о любви к Творцу... нет, об этом речи не идет. Такого в ней нет. Понадобится ей, она любой храм подожжет и на углях спляшет.

– Такое бывает, согласен, – кивнул Амадо. – Но вроде бы дурного в этом нет?

– Но и хорошего тоже. Или ты веруешь, или ты не веруешь. А от такого хождения в храм... противно становится.

Амадо кивнул.

Будучи сыном некроманта, он ни в каких богов не верил. Он просто знал об их существовании.

Да, боги есть. Нравится вам это, не нравится... богам – наплевать. Но, может, не стоит сразу портить с ними отношения?

– Значит, фанатичка, но не храмовая. Интересно, посмотрим. А Джинни?

– Мать ей то ли не доверяла, то ли что-то еще. Джинни была не в курсе дела, совершенно. Куда мать ходит, чем занимается, на какие деньги они живут... лишние вопросы и любопытство наказывались пощечинами. И Джинни быстро перестала лезть не в свое дело. Кому ж понравится...

Амадо кивнул.

– Допустим. Но я не верю, что и она ничего не видела, и вы...

– Джинни боялась матери. Наверное, она всего лишь два раза решилась пойти против нее. С любовником – и с моим сыном.

– С любовником? – опешил Амадо.

– Я свечку не держала, – усмехнулась дама. – Но точно знаю, что до свадьбы у Джинни была уже с кем-то связь. Между девушкой и женщиной есть разница, вы поверьте. В том, как они ведут себя с мужчинами, как прикасаются, как относятся... есть. И опытная женщина может ее увидеть.

– Вы увидели.

– Да. Я решила спросить у самой Джинни. Но оказалось, что сын обо всем знает. Джинни честно рассказала ему, что у нее был один мужчина. Что там все кончено, что она никогда к нему не вернется, что будет верна моему сыну и произнесенным обетам... я стала ее уважать за этот поступок.

Амадо снова кивнул. Да, пожалуй. Признаться и жениху, и его матери – такое требует немалого мужества.

– Итак, они поженились.

– Джинни оказалась идеальной женой для моего сына. И за это я простила ей всё. И за внуков тоже, – кивнула сеньора.

Амадо задумался.

– Сеньора, мне сложно предположить. Но... простите, чем таким мог бы заниматься ваш сын? Вот как хотите, но настолько сложная инсценировка, еще и дорогостоящая.... Может, вы что-то замечали, как женщина? Украшения у его супруги, странные разговоры... Безусловно, я проверю счетные книги, но это будет потом. А вы сможете подсказать мне, на что обратить внимание? Я не хочу, чтобы убийца вашего сына остался безнаказанным...

Сеньора задумалась.

– Даже не знаю, что вам сказать, тан Риалон. Вроде бы ничего такого не было. Но вы сами понимаете, мы живем отдельно, я могла что-то не видеть. Просто – не видеть.

– Можете вы на эту тему побеседовать с внуками?

– Тан?

– Я не имею права допрашивать несовершеннолетних, – честно сказал Амадо. – Но дети умны и приметливы, они могут что-то знать...

Сеньора кивнула.

– Да, пожалуй. Я поговорю с малышами.

– Я буду весьма признателен вам, сеньора.

– Дети пока ничего не знают... о случившемся. Поэтому... тан Риалон, если вы дадите мне честное слово им ни-

чего не сообщать, вы можете поговорить с ними самостоятельно.

Амадо кивнул.

– Если вы разрешите, сеньора. И разумеется, в вашем присутствии.

– В моем? Но мой внешний вид...

– Я подожду сколько понадобится, сеньора.

Сеньора кивнула. Амадо поклонился и спустился вниз, в гостиную, тихо радуясь про себя. Самое опасное после такого... да что там! Оставь сейчас сеньору лежать в кровати – и она сведет себя в могилу вслед за сыном. Но сейчас...

Сейчас она займется малышами и точно не помрет, пока не найдут убийцу. А там, глядишь, и вообще умирать перестанет?

– Тан Риалон?

– Сеньор Веласкес, с вашего позволения, я еще чуточку задержусь.

– Что-то случилось? – встревожился несчастный.

– Ваша супруга любезно дала мне разрешение побеседовать с детьми. В своем присутствии, конечно. Она сейчас спустится.

– Но она...

Амадо пожал плечами.

– Надеюсь, сейчас у нее появится интерес к жизни.

Гонсало внимательно посмотрел на сыщика. Что-то сопоставил – и протянул ему руку.

– Тан Риалон, мой дом всегда будет вашим домом. Что бы ни случилось.

Амадо пожал протянутую руку. И ответил взаимностью.

– Я сделаю все, чтобы найти убийцу. Клянусь.

Мужчины поняли друг друга.

Да, Амадо сделает.

А пока... не соизволит ли следователь выпить чашечку кофе? Или две? С пирогом? А еще лучше... скоро обед. Присоединитесь к нам за обедом? И с детьми можно будет поговорить. А заодно накормить несчастную сеньору Веласкес, которая ни глотка воды в рот не взяла с того самого момента. А вдруг получится?

Обед у Веласкесов был выше всяких похвал.

Суп-крем из морепродуктов мог бы украсить и королевский стол, жаркое таяло во рту, а пирог дразнил своим ароматом так, что хотелось отбросить нож и вилку и впиться в него зубами, как дикий пещерный человек. Амадо себе этого позволить не мог.

Ему надо было не расслабляться, а работать. За столом было трое детей. И с ними надо было поговорить так, чтобы они ничего не поняли. А информация нужна...

Старшая – Мерседес Вирджиния, средний – Гонсало Самуэль, названный в честь деда, и младший – Хавьер Николас. И они смотрели на незнакомца с интересом.

Амадо дружелюбно улыбался детям. Не то чтобы он очень

любил детей, но от них можно узнать много интересного и важного.

– А вы кто, тан? – первой нарушила молчание юная Мерседес. Девочке было уже около семнадцати лет, почти взрослая...

Амадо дружелюбно улыбнулся ей и подмигнул.

– Если я скажу – жених?

– Но вы же старый!

– Убит! В самое сердце! – скорчил смешливую гримаску Амадо. – Но кто я тогда, сеньорита? Если в женихи не го- жусь?

– Не знаю... а чем вы занимаетесь?

– Хожу, разговариваю с людьми. О том, о сем...

– Репортер?

– Можно и так сказать.

– А дедушка говорит, что на репортеров надо собак спус- кать, – заметил младший.

Амадо погрозил Хавьеру пальцем.

– Совести у вас нет, сеньор. А если собака отравится? Вот у вас есть собака?

Все дружно засмеялись, и разговор потек уже иными пу- тями.

Выяснилось, что собак у ребятишек нет, но в доме живут три кота. Что мама почему-то боится собак. А мамина мама, то есть бабушка Ната, даже кошек не любит. И те отвечают ей взаимностью, шипят и фыркают. А маму любят.

Что папа как раз не любит мамину маму. Что бабушка Ната приходит к нему регулярно, где-то раз в пять-шесть дней, и он потом очень злой, а мама переживает.

Нет-нет, она не просит у него денег. И деньги в семье есть... вот! Отец обещал старшей дочке для первого выхода в свет украшения с розовыми бриллиантами и жемчугом!

Дорого?.. И что? У мамы есть и подороже.... У нее и гарнитур с изумрудами есть, и рубиновый, и с сапфирами, и даже с черными бриллиантами! Вот!

Откуда Мерседес знает?

А она... только не ругайтесь, пожалуйста... она совершенно случайно подглядела, как папа доставал их из сейфа. И код она знает. И украшения должны там лежать...

Нарисовать их?

Да, она может... хорошо. Сразу же после обеда, если дедушка и бабушка... Те не возражали.

– Рубины, сапфиры, черные бриллианты.... Откуда?!

– В сейфе их нет, – качнул головой Амадо. – Повод?

– Но кто мог о них знать?

– Я из этой стервы Арандо всю правду вытряхну! – воинственно сжала кулачки сеньора Идана Мерседес.

Пока девушка рисовала украшения, взрослые собрались в библиотеке. Правда, кофе так и остыл в чашках, несмотря на свой вкус и аромат. Не до того им было.

– Не убивайте ее, сеньора, это уголовно наказуемо, – по-

спешил разрядить обстановку Амадо.

– Мне бы тоже хотелось знать, откуда, – заметил Гонсало. – Вы же понимаете, тан, оборот моего сына просто не позволял таких покупок. Черные бриллианты! Да я за один камешек буду работать месяц, а тут – гарнитур?

– Откуда-то, – вздохнул Амадо, понимая, что ему предстоит еще и походы по ювелирам. Или... поговорить бы с Тони! Но... есть и еще один источник.

Ладно, лишь бы девушка правда умела рисовать, а не так, как кокетничают благородные девицы. Ах, тан, посмотрите на мой рисунок... навидался он такого в университете. Правда же, эта роза восхитительна? Ага, а роза напоминает то ли льва в атаке, то ли кляксу от варенья, которую языком разлизали, то ли что-то вовсе неприличное... Ладно, не будем о грустном.

Впрочем, в этот раз Амадо разочароваться не пришлось.

Рисунки были великолепны. Четкие, красочные, детали видны на всех украшениях, прорисованы даже застёжки. И это с пары взглядов? Невероятно!

Но и на фантазии это не похоже, девушка просто не может так придумать!

Какая память, рука, глазомер! Невероятно! Для ее-то возраста!

– Сеньорита, вам учиться надо! Вы настоящий мастер... может, даже ювелир? Если так запомнили с одного взгляда?

Гонсало посмотрел на внуку.

– Мерче, ты хотела бы учиться на ювелира?

– Мама была против.

– Ничего, мы ей пока не скажем, – пообещала от всей души бабушка и поцеловала девушку. – Я тебя сама буду возить на занятия, и сама с мастером договорюсь, хоть завтра.

– Правда? – просияла Мерседес-младшая.

– Мое слово.

Кажется, визит Амадо к Веласкесам прошел не зря. Осталось только увязать воедино все эти дела.

Глава 3

Побережье.

Костер.

Рассвет.

Море.

На горизонте еще не появилась золотистая полоска, там еще даже розовые тона не забрезжили, но рассвет уже близок. И сидящий у костра человек это чувствует.

Да, сидящий у костра...

Как он выглядит? Если смотреть со спины – вполне безобидно и обыденно. Белая рубашка навывпуск, простые полотняные штаны. Волосы седые, заплетены в косу. Спина прямая, не сгорблена.

Ноги босые.

Со спины – ничего удивительного. Наверное, какой-то рабочий, вот, и соломенная шляпа небрежно брошена рядом на песок. Захотелось человеку встретить рассвет у костра. Бывает...

А вот с лица...

Если заглянуть этому человеку в лицо, то куда-то пропадает вся обыденность.

Во-первых, это индеец.

Во-вторых, ему уже глубоко за... а за сколько? Волосы седые, морщин – не счесть, но зубы все на месте и движения

легкие и плавные, словно у ягуара... Та, что возраст определить сложновато.

В-третьих, это наверняка шаман. Об этом говорят и затайливые разноцветные татуировки, которые покрывают все его тело. Это со спины не видно, а в ворота рубахи: ой-ой-ой... так и ползут, словно змеи. Живые, жутковатые...

И в длинные, чуть не до земли, волосы вплетены какие-то амулеты... взять и рассмотреть поближе? Спасибо, это если кому жить очень надоело. Потому как на поясе у мужчины висит кривой обсидиановый клинок. И вот сразу чувствуется, что он не раз отведывал крови.

И на руках у него какие-то перстни, и на шее куча висюлек, и рядом... да, рядом лежит небольшой бубен. Просто под шляпой его сразу-то и не видно. А он есть.

Маленький, костяной...

Шаман смотрит в огонь.

Он ждет рассвета, чтобы получить подсказку.

Если смотреть на солнце, через живой огонь, то есть огонь, зажженный трением, да еще над соленой водой, которая, как известно, губельна для нелюдей... есть возможность получить... нет, не ответ.

Кто ж тебе ответ-то скажет? Может, еще и жизнь твою за тебя прожить?

Боги так не делают. Тебе свободу воли дали, вот ты и думай, ты и действуй. Сам, все сам.

А тебе могут подсказать, подтолкнуть...

Помочь чуточку.

Нет, не с выбором. Скорее, с его определением. Направо пойдешь – в канаву попадешь. Налево пойдешь – в терновник попадешь. Прямо пойдешь – в огонь попадешь. Как в старых сказках.

А уж чего тебе больше хочется, ты сам решиай. Шкура, чай, твоя, не чужая...

Для себя Адэхи почти никогда и ни о чем и не спрашивал – зачем? Но сейчас...

Его ученица – там. За морем. В далекой и чужой стране. И она одна.

А если ей понадобится помощь?

Связка «учитель – ученик» очень важна. И не только со стороны ученика. Ученик обязан? Ну и наставник тоже... обязан. А вы как думали? Только учить? И ни за что не отвечать?

Так не бывает.

У шаманов никогда не бывает.

Боги видят. Боги знают. И недостойного Боги лишат своей защиты. А если ты не можешь сделать так, чтобы твой ученик сумел постоять за себя... или если ты ему не помог, когда потребовалось...

Адэхи не хотел такого.

И смотрел, смотрел в костер. И видел сквозь языки пламени, как над черной полосой моря разливается золотая полоса солнечного сияния.

И знаки, которые были непонятны другому, складывались для него в понятное письмо, и глухо трещал над побережьем костяной бубен, помогая пройти туда, куда не очень-то пускают обычных людей, даже во сне. И вернуться.

Главное – вернуться.

Это самое сложное.

Когда Адэхи пришел в себя, было уже ближе к полудню. Шаман бросил бубен и откинулся на песок, прямо где сидел. Он не обратил внимания, как сам собой взвился неистовым языком и погас костер – обыденность.

Как буквально вылетела из моря волна, стараясь слизнуть его остатки – и жадно глотнула, уволокла угли на глупину.

Как ласково перебирает его волосы ветер, нашептывая что-то успокоительное – сегодня ты выложился по полной. Но справился.

Ты справился здесь.

А вот твоя ученица там.

Ты знаешь, что надо делать, учитель. Так сделай это. Просто – сделай.

И Адэхи не собирался отлынивать от своего долга учителя. Сейчас, только полежит еще немножко, придет в себя – и встанет. И сделает.

Не для того он больше десяти лет учил малышку, чтобы сейчас... нет, не для того.

Ах, этот возраст, который не щадит даже шаманов...

*Ничего, сейчас он отдохнет — и начнет действовать.
Уже скоро. Уже почти сейчас...
Это его долг и его право.*

* * *

— Братец, я все понимаю, но поверь, твой друг — человек нехороший. Подлый и опасный.

Лоуренсио только глаза закатил.

— Феола, когда ж ты это перерастешь?

Дело было за завтраком. И надо сказать, настроение было у всех Ксаресов на редкость отвратительное. Новое место, плюс усталость с дороги, плюс предстоящее знакомство со столицей...

Тут много всего добавляется.

В результате все не выпалилось, может быть, кроме Феолы. Вот она была бодра, весела и игрива, словно птичка. И так же весело щебетала.

Алисия Катарина демонстративно подносила ладонь ко лбу. Сестру она любила, но... это — несправедливо! Сама Алисия вчера провертелась в кровати чуть не до двенадцати ночи, потом просыпалась то ли три, то ли четыре раза... это — столица.

Здесь нет привычных шумов и шорохов, здесь не поют по ночам невольники свои протяжные песни, здесь не кричат тоскливо и горько ночные птицы.

Но здесь шумят лошади и мобили. Здесь непривычно и резко пахнет керосином.

Здесь столица. И постоянно чувствуется, что кто-то есть. Кто?

Люди. Так много людей, так непривычно, так странно...

А как примут в столице Алисию? Какое впечатление она произведет? Удастся ли ей найти мужа? А когда удастся, каким он будет? Помоложе или постарше, стройным или плотным... вопросы, вопросы, так много вопросов!

Закономерным результатом стала головная боль и отвратительное самочувствие.

Феола такие мелочи не смущали. Вопросы какие-то, му- жья...

Ей вообще еще рано. Хотя Адэхи и уверял, что она за- сиделась в девках, вот в его народе девочки замуж выходят в тринадцать, как кровь упадет. А шестнадцать... никто те- бя, такую старую, и не возьмет. И тут же добавлял, что Фео- лу – возьмут. Обязательно и безусловно.

На Алисию старик смотрел с осуждением, но младшую из Ксаресов привечал. Была у них своя тайна.

Феола еще раз с сочувствием поглядела на сестру.

– Лисси, тебе помочь?

– Не называй меня Лисси. И да... помоги.

Феола вздохнула и встала из-за стола. Обошла вокруг сестры, встала сзади, бесцеремонно отодвинула тщательно уложенные локоны и принялась массировать маленькие ро-

зовые ушки. Через несколько минут Алисия порозовела и заулыбалась.

– Это ненадолго, – предупредила Феола. – Может быть, часа на два-три, не больше.

Алисия страдальчески закатила глаза, но кивнула.

– Хоть так.

– И повторять нельзя. Потом сляжешь. Так что рассчитывай время. Через три часа, самое позднее, ты должна быть дома, лечь и немного поспать. Тогда проснешься с отличным самочувствием.

Алисия кивнула. В этом спорить с Феолой не стоило. Малышка за свои слова отвечала.

– Хорошо. Братик, что мы сегодня должны сделать?

– Сейчас к нам придет Анхель. И мы поедем заказывать вам платья.

Феола сдвинула брови.

– Без этого паразита их заказать нельзя?

– Фи, прекрати, – погрозил пальцем братец. – Анхель – замечательный. Он мне очень и очень помог.

– И себя при этом не забыл.

– У тебя нет никаких доказательств. А голословное обвинение – это клевета, – припечатал брат.

Феола надулась.

Голословное?

Ладно же! Подожди у меня, я тебе твоего тана Толедо покажу во всей красе! В разрезе!

Видно же, что сволочь, сволочь, СВОЛОЧЬ!!! Ну почему ей видно, а брату и сестре – нет? Почему ей не верят?!

Хотя и тут Адэхи предупреждал. Говорил, что люди будут к ней относиться с предубеждением. Это надо просто перетерпеть, пока она не подрастет. Она еще маленькая, так что нужно время.

Феола только вздыхала.

Вот где логика у этих индейцев? Замуж в самый раз, а для силы своей еще мала. Но это как раз верно. Дурное дело – нехитрое, мама это часто говорила. Детей наделать всяк дурак сможет, людьми их вырастить задача куда как сложнее.

А вот в силу вступить – это дольше. Пока у нее только *началось*. С первой кровью, да. Но по-настоящему, как предупреждал тот же Адэхи, она вступит в силу, когда выносит и родит первого ребенка. И чем больше детей у нее будет, тем сильнее она станет.

Но об этом тоже никому знать не надо.

Доступна ей пока сила на таком уровне? Вот и будем пользоваться, разрабатывать, упражнения делать, людям помогать. А остальное – последует.

А дана Толедо она на чистую воду выведет. Ну как, КАК человек может быть порядочным и хорошим, если он – сволочь?! Правильно, никак.

И заступничество брата его ничуть не спасало.

Феола со злостью положила вилку так, что омлет едва в разные стороны не брызнул, когда дан Толедо вошел в сто-

ловую.

– Доброе утро, Лоуренсио. Ритана Алисия, позвольте заметить, что вы затмеваете своей красотой даже полуденное солнце.

Алисия зарделась и покраснела так, что стала похожа на то самое солнце. Закатное.

– Ритана Феола, вы...

Феола подняла руку, останавливая лживые комплименты.

– Не теряйте зря времени, тан. Я своего мнения о вас не изменю.

– Вы еще маленькая, ритана. Посмотрим, что вы скажете, когда вырастете.

– Полагаю то, что вы и так не раз слышали, – не полезла за словом в карман Феола. – Откажу вам от дома.

Анхель картинно развел руками.

– Что ж, я надеюсь, что совершеннолетние Ксаресы будут ко мне более великодушны.

Феола надменно фыркнула.

Анхель всем видом показывал, что на детей не обижается... но это не значит, что не разозлилась она. И сестра туда же, предательница. Смотрит, как будто Феола еще из колыбели не выбралась.

Лоуренсио – ладно, ему голову заморочить легко. Адэхи еще говорил, что старший брат, как глина, что вылепишь, то стоять и будет. Но сестра? Вроде как она поумнее?

Ладно, Феола еще поквитается с негодеем. Может, даже

уже сегодня.

– Куда и когда мы едем? – холодно поинтересовалась она.

– В ателье к сеньоре Пилар Марии Наранхо. Она – модистка сезона. Все благородные одеваются только у нее... если не хотят выглядеть смешными и глупыми.

А мода стоит дорого. И Анхелю тоже кое-что перепадет от щедрот... не для мужчин, вестимо. Но дамы, с которыми имеешь отношения, требуют подарков. Если это ританы, конечно.

И можно подарить им приятные интимные вещички. Чулочки, ночную сорочку, пеньюар... Мало ли что можно придумать?

Анхель собирался получить свои проценты, и наглая сопля ему в этом не помешает. Потерпит, никуда не денется. И он, и она...

– Я готова, – встала из-за стола Алисия.

Анхель только вздохнул.

Он рассчитывал, что завтраком его накормят у Лоуренсио. Вот и не покушал дома, да и не особенно-то у него богато было. Хлеб, сыр, кажется, еще паэлья, но той уже дня четыре, лучше не кушать, чтобы потом худо не было.

Впрочем, Алисии сейчас было не до терзаний Анхеля. Ей позарез надо было поехать в ателье.

Платья же! Для тех, кто понимает... это не на час. И не на два. Пока платья, отделка, туфельки, сумочки, аксессуары, перчатки, шляпки... Это не три часа, а все тридцать.

Или триста. Но на первый раз ей хватит. Наверное...

Светлые волосы девушки были решительно прикрыты маленькой шляпкой... ах, ужас! В столице в моде шляпы широкополые, но с небольшой вуалькой. Почему, почему до их островов мода доходит с таким запозданием?

– Сейчас в моде «колониальный стиль», ритана Алисия, – Анхель галантно подал ей сумочку и предложил свой локоть опереться. Феола только нос сморщила. – Вам будет легко освоиться.

– Эти «зонтики» на голове – колониальный стиль? – фыркнула она. – Идиоты...

С каким бы удовольствием Анхель отвесил наглой малявке затрещину. А лучше две. И пинка бы выдал на десерт! Но – нельзя. Ее сестрица не оценит. И тоже, вон, смотрит с любопытством...

– Вас чем-то смущают эти шляпы, ритана Феола?

– В колониях ценят удобство, – отмахнулась Феола. – А этот лопух моментально сдует в море. Или голову вам оторвет, если закалывать его шпильками. От солнца эти шляпы не спасут, а под дурацкую вуальку мигом залетят все мухи островов. И в волосы нападает всякая гадость. Ладно еще листья какие, но если насекомые... они там всякие бывают. Человеколюбивые в том числе.

– То есть?

– Кушать человека любят. В гастрономическом смысле.

Алисия кивнула, подтверждая слова сестры. Действитель-

но, на острове такую шляпку разве что дома носить. Или в карете.

– И что же носят в колониях, ритана?

Анхель даже чуточку заинтересовался. А вдруг?

Феола пожала плечами и взяла у одной из служанок кусок кисеи.

– Вот так...

Буквально несколько секунд – и вот белое легкое полотно скрыло волосы, лоб, плечи, осталось открытым только лицо. Но Феола ловко прихватила складку ткани заколкой, оставляя открытыми только глаза.

– И так можно. Особенно когда мошка. Или ветер дует из леса.

– Очень оригинально и свежо, ритана. Жаль, не будет пользоваться спросом в столице, – Анхель даже искренне расстроился. Он бы заработал на новой моде, но куда там! Не получится... Никто в столице по доброй воле так лицо закрывать не будет. Смешно даже...

Феола не расстроилась, вернула кисею обратно и тоже взяла шляпку.

– Будем мучиться дальше.

И первая вышла из дома.

Лоуренсио коснулся руки Анхеля.

– Спасибо, дружище. Феола у нас ребенок сложный...

– Думаю, мы в ее возрасте были не лучше, – пожал плечами Анхель. – Дети, что с них взять? Повзрослеет – поумнеет,

а пока просто перетерпеть.

Феола скрипнула зубами, но промолчала.

Погоди, мы еще увидим, кто будет смеяться последним.
Р-ребенок?

Какое там ателье?

* * *

Амадо с утра сидел и раскладывал карточки. Да, есть и такой метод. На каждой карточке пишется одно событие или факт, а потом их перекладывают в любой последовательности, чтобы посмотреть на результат. Иногда это дает очень многое... Иногда – нет, но зряшной работой карточки все равно не назовешь. Очень хорошо помогает структурировать мысли.

Кстати... и память тоже приятная. Дела после расследования надо сдавать в архив. А карточки Амадо оставлял себе. А что такого? Это же просто клочки бумаги... пробить в уголке дырочку, нанизать их на колечко, в нужном порядке, и положить в сундук. Так, для памяти. На старости лет будет что вспомнить.

Альба с утра ушла по магазинам. На какие деньги? Амадо не спрашивал. Отец дал, скорее всего. Сам Амадо две трети зарплаты честно отдавал супруге. Треть оставалась ему. Ну и если удавалось подработать, это тоже отправлялось на его личный счет в банке. Не просто так.

У него сын растет. Его еще женить придется, на обзаведение ему выделить... у тестя просить? Или у отца? Внуки – это дети детей. И обеспечивать их должны ИХ родители. А не бабушки-дедушки.

Да, кто бы сказал Амадо лет пятнадцать назад, что он будет так рассуждать? Не поверил бы... что у него тогда мыслей-то было? Сопляк, одно слово. Даже не мужчина, а так... мужчина – принимает решения, несет за них ответственность. А сопляк – это другое, половые признаки есть, а ответственности за их использование нет. Вот и разница.

Альба ни о чем подобном до сих пор не думает – зачем ей? Ей и так неплохо жить на всем готовеньком.

Карточки недовольно зашелестели, намекая, что нечего тут отвлекаться.

М-да...

Драгоценности.

Некромант.

Убийство...

Амадо сгреб со стола карточки, сунул их в карман. Взял папку с рисунками малышки Веласкес. И отправился туда, где ему смогут помочь.

К сеньору Пенья.

* * *

Хосе Мануэль Пенья в это время был у себя дома.

От дел он года три как отошел – и, по меткому выражению Серхио, стал «кастрированным котом». Делать ничего не делает, но консультирует.

Правда, при сеньоре Пенья лучше было так не говорить. А то можно тоже стать... и нет, не котом. Но оторвут все ненужное и болтающееся. Не обязательно – язык.

Вот консультация Амадо и была нужна.

Сам он в таких украшениях не разбирался, с ювелирами на «короткой ноге» не был. А побеседовать бы надо. Но это лучше не с улицы являться, будь ты хоть трижды следователь.

Слуга, кстати, к нему отнесся без всякого почтения.

– Хозяин работает. Вам придется подождать.

Амадо и спорить не стал. Работает?

Это святое... романами сеньора Пенья вся Астилия зачитывается. И это еще мягко сказано. Любого, кто помешает его работе, поклонники и поклонницы разорвут на сотню маленьких клочков. Так что подождем...

Амадо выпил кофе, съел поданные ему сладости, душевно побеседовал с сеньорой Пенья, хотя и недолго. Сам хозяин появился где-то через сорок минут. Потянулся.

– Как я хорошо поработал... а для меня кофе найдется? Вы еще не все выпили, тан Риалон?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.